

КТО СПАСЁТ БЕЛ?

Захватывающее приключение
из кельтских времён

Дженни Робертсон

– Значит, он сказал «одарённая», «избранная»? Ох! Не к добру всё это... Берегись, дитя моё, – сказала старая мудрая женщина по имени Виннаг.

Бел хотела помочь маме выздороветь, но получилось так, что она сама оказалась в опасности. Девочка попадает на глаза жрецам, которые собираются совершить жертвоприношение, и их выбор падает на Бел.

Она надеется, что один могущественный и очень добрый человек, прибывший в Дальриаду из Ирландии, сможет ей помочь, но как? Тем временем час жертвоприношения приближается...

КТО СПАСЁТ БЕЛ?

Дженни Робертсон

«Свет на Востоке»

1992

Robertson, Jenny
Fear in the Glen
Робертсон Дженни
Кто спасёт Бел?
Перевод с английского А. Хвостова

Text copyright © 1984 Jenny Robertson
This edition copyright © 1992 Licht im Osten
© 1992 Издательство «Свет на Востоке»

ПОСВЯЩАЮ НИЛ И ЭЛИН,
благодаря которым появилась на свет эта чудесная
история жителей долины.

Некоторые обычаи былых времён, упоминаемые в этой книге, соблюдаются и по сей день. Не последнее место среди них занимает и праздник Самайн, который теперь называют Днём Всех Святых. И сейчас можно забраться на скалистую гору Дуннад, где король Коннел основал свою крепость Хай-Форт, или прогуляться вдоль ручья, где Бел рвала рябину. До сих пор стоят и древние камни Мейден-Ринг, хотя теперь это место уже называется по-другому. Давно разрушена кельтская церковь, основанная Колумбой и его монахами, но не были напрасными их молитвы. Сейчас люди вновь открывают для себя Иисуса Христа – этот источник любви и света, а зелёный остров Иона, где жил Колумба, вновь превратился в место паломничества.

Д. Р.

1

«ПОЧЕМУ ВОДА В РУЧЬЕ СЛАДКАЯ ТАКАЯ?»

Из пяти детей в семье Бел была самая старшая, поэтому у неё всегда находилось дело. Ей приходилось помогать маме прясть и красить шерсть, а затем ткать из длинных нитей одежду для всей семьи или вместе с другими взрослыми варить пиво и печь хлеб. При всём том она ещё успевала учить разным домашним делам маленьких сестрёнок, чтобы те тоже могли помогать, когда немножко подрастут. Так что большую часть времени Бел проводила в тесной хижине, состоявшей всего из одной комнаты, где в очаге всегда горел огонь, а над ним висел железный котелок, в котором готовилась пища. Там под крышей сушились связки травы, на камнях вокруг очага пекли хлеб, а вечером всё семейство, тесно прильнув друг к другу, засыпало у очага, подвинувшись поближе к ещё тёплым углям.

Но иногда Бел всё же удавалось ускользнуть из дому, и тогда она бежала к соседнему холму, подставляя веснушчатое лицо ветру и солнцу. Во время своих прогулок она часто испугивала оленей в зарослях папоротника, и те стремглав бросались наутёк. А осенью, стоя во дворе, можно было слышать стук рогов. Это начинали свои схватки самцы-олени.

Бел очень любила застенчивых и пугливых бла-

городных оленей с их блестящими шкурками сочного красно-коричневого цвета и мечтала погладить их мягкие бархатные носы. Но, увы! Они никогда не подпускали девочку к себе близко.

«Глупые, я вам ничего не сделаю, – шептала Бел. – А вы всегда убегаете».

Отец и другие мужчины охотились на оленей с дротиками, копьями, палками и лохматыми рыжими гончими, которых привозили к ним на корабле из Ирландии. Если охота бывала удачной, вечером вся семья ела мясо. Съедала свою порцию и Бел, поскольку жили они почти впроголодь и особенно разборчивой быть не приходилось. И всё же при мысли о том, что опять убили оленя, ей становилось очень горько.

Люди из их долины носили обувь из оленьей шкуры, а кожаными ремешками подвязывали свои длинные волосы и одежду. Отец Бел иногда надевал ещё мягкие штаны из оленьей шкуры.

«Мужчинам всегда приходится убивать», – досадовала Бел. Но она понимала, что и женщины вынуждены в этом участвовать – ведь они готовят и едят мясо убитых животных и шьют одежду иглами из оленьей кости.

«Хорошо всё-таки, что олени умеют быстро бегать, – думала девочка. – Хотя, с другой стороны, конечно, жалко, что я никогда не могу подойти к ним и их погладить».

Кроме холма, Бел ещё любила ручей, который, прыгая по большим камням, с весёлым журчаньем вливался в реку, протекавшую по их долине. Реку Бел тоже любила, но у неё редко бывало время бегать туда. Зато к ручью она каждый день ходила

за водой вместе с сёстрами. Там же вся семья стирала свою одежду.

Вода в ручье была прозрачной и сладкой, и однажды, когда Бел сидела на берегу, в голове у неё как бы сами собой стали возникать слова. Постепенно они сложились в нехитрый стишок:

Почему олень боится, сразу убегает?
Почему вода в ручье сладкая такая?

Конечно, ответ на первый вопрос она знала. Оленям было чего бояться и от чего убегать – за ними охотились, и поступи они иначе, их бы всех быстро поубивали. А вот с ответом на второй вопрос было труднее. Ведь в море, например, вода солёная. Отец говорил, что в море можно даже умереть от жажды.

Бел размышляла над этой загадкой, пока наполнялись два кожаных бурдюка, а потом подставила под струю пригоршни и с удовольствием напилась сладкой ледяной воды.

Дождевая вода тоже сладкая. Её собирали в бочку, но, постояв немного, она теряла вкус. Вся семья Бел умывалась этой водой, поливая её на руки, на ноги и длинные волосы большим железным черпаком.

Главное достоинство дождевой воды в том, что за ней никуда не нужно ходить. Обычно её бывало довольно много, но во время засухи даже ручей быстро превращался в тоненькую струйку, и тогда вместе с водой в кожаные бурдюки нередко попадала земля. Если же и после этого не было дождя, то по долине от дома к дому начинал ползти зловещий

шёпот, подобный тихому шуршанию опавших листьев. Шёпотом всё чаще произносили одно слово – «жертвоприношение». Это означало, что скоро кто-то должен будет умереть.

«Почему?» – не могла понять Бел, и этот второй вопрос, переплетаясь с первым, долго не давал ей покоя и в итоге приводил в полное замешательство.

Правда, была одна очень старая мудрая женщина, которая могла дать ответ даже на самые трудные вопросы. Звали её Виннаг, и в жилах её, по слухам, текла кровь колдуньи.

– Так это или не так, но одно было верно – она происходит из племени тёмных людей, которые жили в нашей долине давным-давно и строили здесь каменные круги, – говорила мать Бел. – Верить этим людям нельзя. У Виннаг дурной глаз, и вы, дети, никогда даже близко не подходите к её дому.

– Но если все так думают, значит, у старой Виннаг совсем нет друзей, – возразила Бел.

– Не беспокойся, есть у неё друзья, – загадочно сказала мама, – только не хотелось бы мне иметь дело с такими друзьями...

Трудно сказать, что именно она имела в виду, но едва ли что-нибудь хорошее, потому что, произнеся эти слова, мама потрогала костяной амулет, который носила на шее на счастье, и сделала рукой особый знак, ограждающий людей от зла.

И всё же последний вопрос настолько занимал Бел, что как-то раз в начале мая, отправившись пасти овец на дальний выгон, принадлежавший её дяде, она по пути заглянула в полуразвалившуюся хижину Виннаг.

Действительно, если у Виннаг и были друзья, то

их бы лучше следовало избегать... Ветхая хижина почти развалилась, огонь в очаге едва теплился, а дров, чтобы поддержать его, почти не было. Хозяйка была одета в какие-то лохмотья, через которые проглядывали все кости, а сквозь седые пучки волос поблескивала лысина. У огня лежала кошка, под стать хозяйке, какая-то тощая, облезлая, да к тому же ещё и блохастая.

«Ну и дыра! – подумала Бел. – Может быть, действительно не стоило заходить сюда?.. Но тогда как узнать, о чём всё-таки шушукаются взрослые в нашей долине?»

«Грязь попадёт в наши бурдюки, а это значит, что все мы заболеем. Дети и старики умрут», – так шептались все вокруг... «Нужно принести жертву. Избранный должен умереть».

Бел содрогнулась. «Может быть, Виннаг знает, как помочь, – подумала она. – Всё-таки она родом отсюда. Её народ жил здесь ещё до того, как мой отец и другие воины приплыли из Ирландии вместе с нашим королём, и даже до того, как у древних магических камней Мейден-Ринг поселились жрецы, хотя это было очень-очень давно. Мама говорит, что у Виннаг дурной глаз и она приносит несчастье. Однако при этом люди утверждают, что Виннаг старая и мудрая. Нет, всё-таки я с ней поговорю. Пускай у неё блохастая кошка и плохо пахнет». И Бел вошла в хижину Виннаг...

Сквозь дырявую крышу, покрытую папоротником и дерном, пробивались солнечные лучи. Внутри, прямо на земле, сидела Виннаг, положив руки с узловатыми пальцами на тощие колени. Увидев Бел, старуха улыбнулась, обнажив тёмные редкие зубы.

– Входи, входи, – пригласила Виннаг таким тоном, будто ей каждый день приходилось принимать здесь гостей. – Добро пожаловать, дорогуша! Какой денёк выдался сегодня!

Бел кивнула. Что поделатъ? Взрослые всегда говорили о погоде. Хотя она думала, что Виннаг не похожа на других и должна всё время бормотать заклинания или заниматься каким-нибудь колдовством.

– Одна пришла? – продолжала Виннаг. – Ты, должно быть, та маленькая девочка, что живёт неподалеку?

– Я совсем не маленькая. Мне уже десять лет. Из детей я самая старшая в семье, – попробовала протестовать Бел, разглядывая старуху. Подбородок у Виннаг дрожал, щёки были впалые, как у скелета, а седые волосы едва прикрывали голову. Бел даже отшатнулась – от старухи исходил какой-то неприятный запах тления. Теперь ей собственная затея показалась глупой, и она уже сомневалась, что Виннаг такая мудрая и необыкновенная. Видимо, на самом деле это просто бедная старая женщина, о которой болтуны и сплетники напридумывали разные истории.

– Нынешняя жара напоминает мне прошлую засуху, – задумчиво проговорила Виннаг. – Страшные были времена. И ячмень, и пшеница засохли на корню. Такие вот дела...

Бел опять кивнула.

– Будем надеяться, что теперь-то такого не случится, – начала было девочка, но Виннаг, похоже, её не слышала.

– Когда засуха, повсюду начинаются пожары, горят торфяные болота, а поля чернеют. Нет дож-

дя – значит, плохой урожай, а плохой урожай – это голод.

Теперь уже Бел стало страшно. «Почему старуха всё время говорит о плохом? Можно подумать, что ей хочется, чтобы так и случилось. Может быть, мама всё-таки была права, говоря, что у Виннаг дурной глаз?» Бел отпрянула к выходу и уже собралась уйти, но тут вопрос, который так долго беспокоил её, вырвался как-то сам собой:

– Почему, Виннаг? Почему?

Виннаг посмотрела на Бел с любопытством:

– Что почему?

– О, Виннаг, не знаю даже, как тебе сказать... Столько разных вещей меня беспокоят... Я пришла сюда, надеясь, что ты мне поможешь.

– С чего это ты взяла?

– Не знаю... Люди говорят... – Бел неловко переминалась с ноги на ногу. – Я, наверное, лучше пойду.

– Нет, не уходи пока. Я тебя кое-чем угощу. Я тут как раз собрала первоцвет... – С этими словами старая Виннаг кряхтя поднялась на ноги. – Тебе понравится отвар первоцвета. Вот, погляди, уже сготовился. Дети любят его. Мне он тоже нравился, когда я была маленькая и жила вместе со своими сёстрами. У тебя, дорогуша, есть сёстры?

– Три сестры и один брат.

– Вот и славно. Отличная семья! – сказала Виннаг, наливая своё варево в старый растрескавшийся кубок. – Вот, пожалуйста! Видишь, какие славные у нас с тобой получаются посиделки! Хорошо, что я собрала первоцвет. А теперь присаживайся, моя дорогая.

Бел уселась на сухой земляной пол, стараясь держаться подальше от кошки. Кубок был нечистый, а отвар по виду явно уступал тому, что варила её мама. Однако Бел отхлебнула немного, стараясь делать вид, что ей всё очень нравится.

– Очень вкусно, – вежливо сказала она точно таким же тоном, как говорила мама, когда они навещали родственников в Хай-Форте или на соседних фермах.

Довольная Виннаг улыbnулась и тоже опустилась на пол.

– Ну, что ты хотела спросить, дорогая?

– Не знаю даже...

Она вертела кубок в руках, пытаясь незаметно вытащить оттуда корешки, листья и цветки.

– Что-то не так? – спросила Виннаг.

«Ещё бы! Как пить-то эту гадость?... Мы ведь свой отвар всегда сначала процеживаем через полотно», – мрачно подумала Бел, но ничего не сказала. Вместо этого у неё вырвался вопрос:

– Виннаг, почему на свете должна быть смерть? И почему вода в ручье такая сладкая? В реке, например, вода несладкая, хотя там и плавают лососи. Мой брат Деррил ходит туда с ребятами ловить рыбу. А вдоль реки растёт орешник. Но вода там всё равно несладкая, говорит Деррил. И в море вода несладкая.

– Да, море – это страшная штука, дитя моё. Оно приносит к нам воинов на кораблях. В море можно утонуть.

– А мне кажется, море прекрасно! – воскликнула Бел. – Ты знаешь, Виннаг, там живут тюлени. Я их так люблю! Иногда взрослые отправляются в

море, чтобы раздобыть тюленьего жира для ламп, ну и шкуры тоже. Тюленей я люблю, как оленей. Зачем же их убивать?

– Ты сама сказала, зачем. Тюленей – чтобы получить жир и шкуры, а оленей – ради шкуры и мяса.

Бел уселась поудобнее и поставила кубок на пол. Больше пить она уже действительно не могла.

– Но почему, Виннаг? Почему? Почему животные и люди, и даже дети должны умирать? – Тут ей вспомнилось столько раз слышанное в последнее время слово «жертва», и Бел добавила: – И почему они всё время говорят о жертвоприношении?..

Виннаг уставилась на девочку:

– Смерть есть всегда, дорогая. Всегда. Мужчины привозят смерть из-за моря на своих кораблях, жрецы служат смерти в своих храмах, принося жертву в дар богам. Боги требуют смерти, чтобы росла пшеница и текли реки. Не думай об этом. Думай лучше о том, что вода в твоём ручье очень сладкая. Пусть так и будет всегда, дорогая моя. А когда будешь пить эту воду, глядишь, и вспомнишь старую Виннаг и как-нибудь ещё заглянешь ко мне.

– А к тебе много приходит гостей? – спросила Бел. И тут же пожалела, что задала этот вопрос, потому что Виннаг ничего не ответила и насупилась. Было видно по всему, что ей это неприятно, поскольку никто никогда у неё не бывает.

На некоторое время воцарилось неловкое молчание, и, чтобы прервать его, Бел сказала:

– Спасибо тебе за вкусный отвар, Виннаг.

С этими словами она поднялась и собралась идти домой. Конечно, немного жалко, что Виннаг не смогла ответить на её вопросы, и всё же после раз-

говора со старушкой в голове у неё немного прояснилось.

– Когда придёшь в следующий раз, я расскажу тебе одну историю, – пообещала Виннаг. – Тогда, наверное, ты лучше поймёшь, почему море стало солёным.

– А расскажи сейчас! – попросила Бел.

– Нет, – ответила Виннаг. – Ты и так здесь слишком долго засиделась.

Теперь уже Бел удивлённо уставилась на Виннаг: «Значит, она знает, что мамы запрещают своим детям ходить сюда и сваливают на бедную старуху все беды, которые случаются у них в долине».

– Спасибо тебе, что ответила на мои вопросы, – сказала Бел и, подумав, добавила: – И за вкусный отвар.

Она решила на всякий случай поблагодарить Виннаг ещё раз, надеясь, что той будет не так обидно, когда она увидит, сколько недопитого отвара осталось в чашке...

– Спасибо тебе, что зашла, моя дорогая...

По пути домой Бел мысленно перебирала их разговор. Ей очень хотелось рассказать обо всём маме. Она даже представляла себе, как скажет: «Виннаг – просто старая одинокая женщина. Нет в ней никакого зла, но отвар из первоцвета у неё ужасный, совсем не такой, как у тебя». Но в ответ мама наверняка скажет, что её заколдовали, да и сама Бел была не совсем уверена, что это не так... правда, не совсем в том смысле, в каком имела в виду мама.

2

МАЛЬЧИК С ЖЕЛЕЗНЫМ ОШЕЙНИКОМ

– Есть три славных вещи на свете... – пела мать Бел, растирая тяжёлыми камнями зёрна ячменя в муку.

– Орешник, рябина, сосна, – подхватила Бел и, сменив маму, взялась за работу.

Мама устало откинула тяжёлые распущенные волосы. На руке её тускло сверкнул золотой браслет. Браслет был очень старый. Она носила его со дня свадьбы, и, если не считать резного сундука, где хранились её пожитки, он был самым ценным из маминых вещей.

Мать Бел была родом из семьи, которая жила в долине уже много веков, хотя, конечно, не так давно, как соплеменники Виннаг. Мамин народ чтит традиции жрецов Мейден-Ринг – так назывался древний храм Солнца, где на алтаре, окружённом исполинскими камнями, совершались жертвоприношения. А семья отца Бел приехала из Ирландии вместе с воинственным королём, покорившим крепость Хай-Форт на краю долины. Теперь долина, в которой жила Бел, стала частью королевства Дальриады. Короли Дальриады исповедовали христианскую веру, однако среди народа долины она ещё не распространилась. Кроме того, они говорили на другом языке. У брата Бел и её трёх маленьких сестёр были ирландские имена – Деррил, Элир,

Генанн и Мурин, а у самой Бел имя было английское. Иногда Бел тоже хотелось иметь ирландское имя, а иногда, напротив, нравилось, что её имя происходит из более древнего языка.

– Моё имя здешнее, местное, – частенько приговаривала она. – Как те песни, которые у нас поют.

Надо сказать, что во время работы мама её очень любила напевать нехитрые старые песенки, вроде: «Люблю я орешник, рябину в цвету и вереск на склоне холма...»

Но в эти тёплые дни мама не пела и очень редко улыбалась. «Наверное, оттого, что она ждёт ребёнка, – думала Бел, – хотя, с другой стороны, непонятно. Ведь рождению малыша все радуются, значит, мама должна быть счастливой, разве не так?»

– Я устала, мне нездоровится, – сказала мама. – Продолжай молоть, Бел, и давайте ещё spoём.

– Есть в моей долине три кольца волшебных... – начала Бел, а маленькие сестрёнки подхватили: – Три кольца волшебных – древняя печать...

– Камни-исполины, кто вы и откуда? Помогите тайну вашу разгадать, – пела Бел.

Элир, Генанн и Мурин, не знавшие продолжения, примолкли и с интересом слушали сестру, а мама при словах «камни-исполины» торжественно выпрямилась и сделала рукой особый знак.

– Да сохраняют они меня и моего ребёнка, – сказала мама и, немного подумав, добавила: – Знаешь, Бел, песня эта непростая... Всякое может случиться. Лучше ничего не знать про каменные круги... и вообще кольца.

– Почему?

– Камни, стоящие кольцом, охраняют веру на-

шей долины, но они построены на смерти, и время от времени мёртвые требуют жертвы... – объяснила мама и прикоснулась к костяному амулету.

У Бел по спине пробежали мурашки. «Вот оно, опять – смерть и жертвоприношение. Но в песенке, казалось, слышались звуки родниковой воды, а вода в ручье была сладкой. Даже Виннаг с этим согласилась».

– А ещё почему? – продолжала допытываться девочка.

– Короли носят кольца из красного золота с дорогими камнями, а рабы носят железные кольца на шее. Королевские кольца – это гордость королей, для рабов же кольцо – позор. Сходи, принеси мне кисточку рябины, Бел, и мы повесим её высоко на стене, чтобы она хранила тебя от всякого зла, – сказала мать.

Бел выбежала на улицу и в первый момент чуть не ослепла от яркого солнца.

У ручья были целые заросли рябины, и Бел поспешила туда, чтобы поскорее нарвать маме веток, усыпанных белыми цветами, но, уже подходя к ручью, удивлённо остановилась, увидев на берегу одинокую фигуру.

Это был мальчик-раб с железным кольцом на шее...

– Что ты здесь делаешь? – невольно закричала Бел, немного испуганная присутствием незнакомца. – Убирайся прочь!

Надо сказать, что на самом деле она хотела отогнать не мальчика, а несчастья, которых так боялась её мать. После всех этих страшных разговоров они ей мерещились повсюду.

Но рабу не полагалось спорить, поэтому мальчик поднял с земли тяжёлый свёрток и повернулся, чтобы уйти.

– Нет, постой-ка, – передумала Бел. – Дай я дотронуся до твоего кольца. Железо отгоняет злых духов.

Мальчик стоял неподвижно, держа в руках тяжёлый свёрток, и Бел горячими руками прикоснулась к железному кольцу на его немытой шее.

– Тебе больно? – спросила она, заметив под кольцом красные рубцы шрамов.

Он кивнул.

– А ты не боишься, что кольцо раба принесёт тебе несчастье? – спросил мальчик.

– Почему это? Ведь это же железо... Железо приносит счастье...

– Это моё проклятье, и никакая сила на земле не может спасти меня.

Бел испуганно отпрянула:

– Ладно, хватит! Наломай мне рябины! Я так спешила, что даже забыла взять нож.

Мальчик положил на землю свой свёрток и сорвал ей несколько веток с цветами. Она взяла их и протянула одну веточку ему.

– На счастье, – сказала Бел, прикрепляя веточку к булавке, на которой держалась его старенькая туника.

– Пусть и тебе рябина принесёт счастье, – сказал раб и зашагал прочь.

– Где ты живёшь? – крикнула вдогонку Бел.

– У камней, они называются Мейден-Ринг, – ответил он.

«Вот так совпадение... Из-за этих камней, что

стоят посреди леса, за рекой, мне и пришлось идти сюда за рябиной. Ведь песенка-то про них...» – пронеслось в голове у Бел.

– Я бывала там, – сказала она. – Недалеко от камней в монастыре живут жрецы. Через месяц, когда будет летнее солнцестояние, мы с мамой и сёстрами пойдём туда на праздник.

– Тогда, может, свидимся, – сказал мальчик, – только меня ты не увидишь...

– Почему не увижу? Я ведь теперь тебя знаю. А как тебя зовут?

– Колл, – ответил мальчик. – Я раб жреца по имени Вин.

– А меня зовут Бел. Я живу там, в деревне. Отец, конечно, тоже живёт вместе с нами, но когда он нужен нашему королю, он берёт оружие и идёт на войну.

– В Хай-Форте недавно появился новый воин, – сказал Колл.

– Да? Я ничего об этом не слышала...

– Ну, вообще-то он не воин, но он очень сильный. Побеждает врагов безо всякого оружия.

– Но это невозможно, – возразила Бел.

– Для него всё возможно. Он очень знатный, а сейчас по собственной воле стал монахом. Монах – это человек, который всё время молится и помогает людям. Его зовут Колумба. По-нашему это значит «голубь». Как бы я хотел принадлежать ему, а не Вину, но у Колумбы нет рабов.

– Ой, мне пора идти. Мама ждёт рябину. Счастливого!

– Спасибо, от счастья я бы не отказался, только где найти его?

– Может быть, рябина тебе поможет?

– Может быть... – грустно сказал мальчик и, взвалив на плечи свёрток, пошёл вдоль берега, а Бел поспешила домой. Ей хотелось поскорей отнести маме рябину и рассказать о неожиданной встрече у ручья...

Но её рассказ только рассердил маму.

– Я же говорила, что случится несчастье, – повторяла она. – Надо идти к жрецам и принести жертву. Ты тоже должна пойти со мной, Бел.

– Как же ты доберёшься туда? Там ведь нет дороги.

– Как-нибудь. Даже если мне придётся ползти... И всё благодаря тебе, Бел, твоим песням и разговорам. Разве ты не знаешь, что встретить раба – плохая примета? А тебе ещё вздумалось вступить с ним в разговор! Если бы ты не заговорила с ним, не пришлось бы опять вспоминать про камни...

– Но я же не знала. Прости! – сказала Бел. – Я только потрогала его ошейник...

– Потрогала ошейник раба?! Зачем?

– Но ведь это железо...

– Конечно, железо!

– Ну так вот... – неуверенно возразила Бел, всё ещё не понимая, что тут такого страшного.

– Я думала, ты умнее! Свободный человек никогда не дотрагивается до раба.

– Не до раба, а до его ошейника. Он ему всю шею поранил, – пробормотала Бел. Но мама почему-то ещё больше испугалась:

– Глупая, ничего ты не понимаешь... Я как знала – теперь-то уж точно быть беде...

Тут Бел вспомнила, что самовольно ходила к

Виннаг и так и не решилась рассказать об этом маме... «Значит, мама была права: Виннаг меня сглазила, и теперь я всем приношу несчастье. Что же теперь делать?..»

Шёл день за днём, а дождя всё не было. Видно, даже рябина не помогала, и мама, наконец, решилась идти вместе с Бел на Мейден-Ринг. Когда они пришли в селение жрецов, Бел попыталась найти Колла, но его нигде не было видно. Пока совершалось жертвоприношение, мама с дочкой стояли у порога храма и слышали, как из алтаря, куда женщинам входить не разрешалось, доносились молитвы жрецов.

Сквозь украшенные богатой резьбой сводчатые арки храма Бел видела стоящие огромным кругом камни Мейден-Ринга, освещённые косыми лучами солнца... От камней к центру круга ложились большие чёрные тени, и, когда мимо проплывали облака, тени начинали дрожать... Наконец обряд закончился. Мама сняла с руки золотой браслет и протянула его богато одетому жрецу. Это была её плата за жертвоприношение. Только в этот момент Бел поняла, какое страшное зло она, сама того не ведая, навлекла на семью... Маме пришлось расстаться со своей драгоценностью. На руке, где был браслет, остался белый вдавленный след. Со временем он исчез.

К концу лета дела пошли ещё хуже. Вскоре после того, как они вернулись домой из храма, преодолев по пути болота, заросли кустарника и завалы из огромных камней, у мамы намного раньше времени начались роды. Женщины из других селений старались помочь маме, но ребёнок родился мёртвым.

В комнате было ужасно жарко. В костре догорал тростник. Женщины негромко разговаривали – их голоса то затихали, то слышались вновь... Отца и Деррила попросили уйти. Иногда кто-нибудь из женщин вспоминал про девочек, и тогда им наливали в чашку немного отвара и давали кусок хлеба. Про Бел почти совсем забыли, и она сидела в углу, молча наблюдая за всем происходящим.

«Почему? – наполнялось криком её сердце. – Почему вокруг столько страдания? Почему ребёнок родился мёртвым?»

Женщины сновали от кучи тростника, на котором лежала мама, к огню и обратно – варили какое-то снадобье. У мамы начался сильный жар.

– Мама заболела, – говорили женщины, – может быть, мама скоро умрёт.

«И всё это из-за меня, – думала Бел, – я пошла к Виннаг, хотя знала, что маме это не понравится. Я пела плохие песни. Я потрогала ошейник раба. Что же мне теперь сделать? И зачем?.. Ведь ребёнок всё равно мёртв».

Постепенно у неё в голове стал вырисовываться план, правда, настолько сложный и опасный, что девочка сама ещё не знала, хватит ли у неё духу его осуществить.

3

ЧЕЛОВЕК У РЕКИ

Весь вечер обдумывала Бел свой план и наконец решилась... Как только первые лучи солнца позолотили вершины гор, она отправилась к Виннаг.

«Я знаю, маме это не понравилось бы, – с беспокойством подумала Бел, – но ведь Виннаг всё-таки наша соседка, да и кроме неё мне не с кем больше поговорить».

Старуха сидела совсем одна в своей хижине, даже кошки нигде не было видно.

– Угостить мне тебя нечем, отвар я сегодня не варила, но всё равно заходи, дорогая, гостьей будешь, – сказала Виннаг.

– Я пришла не в гости, – потупилась Бел, – мне очень нужно поговорить с тобой.

– Что же, я очень рада, заходи! У тебя что-то стряслось?

– Мама считает, что мне не следует приходить сюда и разговаривать с тобой, – начала Бел и осеклась, увидев, что лицо Виннаг при этих словах сразу же потемнело.

– Какое оружие есть у оленей, чтобы защититься от охотников с копьями? – вдруг с гневом спросила Виннаг. – Какое оружие было у моего народа, когда пришли завоеватели с железными мечами и прогнали нас из долины? Остались лишь единицы, самые бедные и незащитные. Мы никому не делаем зла! Когда народу твоей матери становится плохо, они

вспоминают про нас и просят о помощи. Им нужна наша мудрость, но мы не любим друг друга...

– Но ты же только что сказала, что рада мне?!

– Да, это правда, но старые раны плохо заживают.

«И новые тоже», – подумала Бел, а вслух сказала:

– Пожалуйста, Виннаг, послушай меня, послушай, несмотря на всё то зло, которое причинил тебе народ моей матери... Мама очень больна. Она может умереть. Мне надо что-нибудь сделать, чтобы не допустить ещё одного несчастья. Вот почему я вновь пришла к тебе.

– Ах, Бел, доброе сердечко, бедная моя девочка! Пусть между нами не будет зла! Кто старое помянет, тому глаз вон... Так ты говоришь, что хочешь помешать несчастью?

– Да, я собираюсь пойти на Мейден-Ринг, помолиться священным камням. Другого выхода я не вижу.

– Одна – на Мейден-Ринг?!

– Кому же ещё со мной идти?.. Придётся одной.

– Бедная моя девочка! Я бы пошла с тобой, но для старой Виннаг это слишком далеко, да и к тому же жрецы не любят меня. Но и для тебя, Бел, это очень-очень долгая дорога... Нелегко тебе придётся, смелое моё маленькое сердечко!

Бел кивнула.

Ещё тогда, когда они ходили на Мейден-Ринг вместе с мамой, пробираясь через болота и каменные завалы, преодолевая вброд ручей и коричневую реку, протекающую по долине и впадающую в море близ Хай-Форты, дорога показалась ей ужасно длинной.

Что там говорить, даже взрослому не пришло бы в голову в одиночку отправиться в столь древнее и таинственное место, как Мейден-Ринг, где по воле богов скрестились пути добра и зла, радости и смерти. Предпринять такое путешествие можно было бы разве в случае самой крайней нужды.

Но именно в таком положении и находилась Бел. Поэтому, немного подумав, девочка сказала Виннаг:

– Я знаю, что это далеко. Но ничего не поделаешь – надо идти. Зато в пути будет светло – наступает время летнего солнцестояния, пора белых ночей...

Виннаг одобрительно кивнула:

– Да, сейчас почти не бывает темно. Так что на дорогу туда и обратно у тебя будет целый день и длинный светлый вечер. Что ж, ты права, смелая моя девочка, малышка с грустными глазами... Старая Виннаг желает тебе успеха. Возьми этот нож, нарежь себе веток рябины со свежими зелёными листьями и положи их на камни как дар от Виннаг. А вот тебе ещё кусок ячменной лепёшки. Теперь иди, моя дорогая, и помни – что бы там ни было в прошлом между твоим и моим народами, старая Виннаг желает тебе добра.

И Бел отправилась в путь вдоль ручья, бегущего по долине, постепенно переходящей в просторную равнину. По дороге она с теплотой вспоминала добрые пожелания пожилой женщины и, глядя на красивые окрестности, думала о своей долине...

Люди жили здесь веками – сначала народ Виннаг, потом мамины предки, а вот теперь живут они. Века, столетия... Подумаешь – голова кружится. Трудно даже представить себе такой отрезок времени, когда тебе недавно исполнилось десять лет. С

другой стороны, приятно, что столько лет долина давала людям кров и пищу, укрывала от разных невзгод и непогоды. Подумаешь об этом, и сам чувствуешь себя как-то увереннее.

Правда, видела долина и смерть. Вот они высятся – пять огромных курганов – могильных холмов, поросших травой. Там внутри лежат мёртвые. А рядом с холмами – камни, они стоят кругами, как в Мейден-Ринг. Эти камни, испещрённые загадочными знаками, которые никто не может разобрать, охраняют могилы людей, умерших давным-давно. А сами камни, по слухам, лежат на костях детей, принесённых в жертву богам.

Здесь, в долине, кормившей столько людей, дарившей целые поля золотой пшеницы и ячменя, время от времени по деревьям начинал ползти слух, что мёртвые требуют жертвы, хотя каждый год на исходе лета, когда дни становятся короче, а ночи длиннее, мёртвых поминали на специальном празднике Самайн.

Порой этого оказывалось недостаточно, и тогда требовались особые, дополнительные, усилия, чтобы задобрить мёртвых. Вот и сейчас Бел пыталась отвести злой рок от своей семьи, усмирить силы мёртвых, которые она неосторожно разбудила своей злосчастной песенкой. А ведь, кроме песенки, она ещё трогала железный ошейник Колла и ходила к Виннаг – рискованные поступки, приносившие несчастье, причём не только по мнению мамы, но и многих других людей, хотя Бел где-то в глубине чувствовала, что они не совсем правы.

«Что бы там люди ни говорили, а Колл и Виннаг – хорошие, они желают мне добра», – думала девоч-

ка, пробираясь по трясине между огромными валунами. Потом ей ещё пришлось переходить через реку... Холодная вода доходила до колен, и Бел пришлось высоко задрать своё старое шерстяное платье-безрукавку. Это была её единственная одежда, и как Бел ни старалась, она всё-таки её намочила и вылезла на берег, стуча зубами от холода и страха. Где-то выше был брод, по которому они с мамой переходили речку в прошлый раз, но Бел точно не запомнила это место и выбрала, как ей казалось, самый прямой путь. Однако теперь, после двух неудач, убедилась, что прямой путь далеко не всегда самый близкий.

И всё-таки ближе к полудню она наконец-то дошла до Мейден-Ринг.

– Если бы камни могли говорить, какие бы истории они рассказали, – произнесла она вполголоса, чтобы придать себе немного храбрости. Но среди стоявших стеной огромных камней одинокий голос маленькой девочки прозвучал как-то странно, и даже сама она его не узнала.

Бел проголодалась, однако есть здесь свою лепёшку ей показалось неуместным. Медленно, с опаской девочка приблизилась к камням, неприступной стеной возвышавшимся над её крошечной фигуркой. Зато тень у камней была совсем короткой, как всегда бывает в полдень, когда солнце стоит высоко, прямо над головой. Бел это почему-то очень понравилось – камни казались уже не такими страшными, будто вся сила была не в них самих, а именно в тенях.

Бел нарочно не взяла с собой обуви, но, подойдя поближе к священному месту, засомневалась – а

можно ли здесь ходить босиком? Преодолев неуверенность, девочка дошла до самого края каменного круга и огляделась по сторонам. Вокруг не было видно ни души, но Бел знала, что храм и посёлок, где жили жрецы, должны быть совсем близко... До неё доносился звон кухонной посуды, звуки голосов и скрежет жерновов. Залаяла собака, а ветер донёс вкусный запах готовящейся пищи. «Видно, недаром говорят, что жрецы едят хорошо, даже лучше короля», – подумала проголодавшаяся девочка, невольно сглотнув слюнки.

Среди старых камней было солнечно и царил покой. Бел немного постояла, освоилась и уверенней двинулась вперёд. В самом центре круга располагался ещё один круг поменьше, окружавший могилу. Бел взяла ветку рябины, срезанную по просьбе Виннаг, и положила её рядом с могилкой, прошептав: «Это от Виннаг...», а потом вытянула руки и коснулась ладонями шершавой и тёплой поверхности старых камней.

– Храните мою семью, камни, – начала свою молитву Бел. – Оградите наш очаг от мёртвых. Моя мама умирает, верните её к жизни, прошу вас.

«Слышат ли её камни? Дадут ли ответ? Есть ли в них какая-то сила, способная дарить жизнь, а не смерть?»

– Ответьте мне, камни! – требовала Бел. – Я шла сюда босиком, чтобы помолиться вам. Скажите мне что-нибудь, не стойте, как истуканы!

Тут ей пришло в голову, что, возможно, камни требуют от неё какого-нибудь подношения. Она хорошо помнила, как мама в своё время рассталась со своим браслетом.

«А у меня совсем ничего нет», – подумала девочка и сразу вспомнила про лепёшку, которую на прощанье дала ей Виннаг. Некоторое время Бел колебалась, поскольку успела уже изрядно проголодаться. К тому же из селения жрецов доносился вкусный запах обеда, ещё больше раздражавший её аппетит. С тех пор, как мама заболела, Бел ни разу не ела горячей пищи. Соседки целыми днями ухаживали за больной, варили разные снадобья и распевали старинные заклинания.

И всё же в глубине души Бел чувствовала, что ей придётся что-нибудь отдать, – без жертвоприношения молитва не имеет силы. Но и тут не совсем ясно, как поступить – самой совершить обряд или попросить кого-нибудь из жрецов?

«Пожалуй, лучше будет сделать так, как мама, – подумала она. – Как звали того жреца, хозяина Колла? Кажется, Вин. Точно, Вин! Надо пойти и найти его...»

И Бел поспешила в селение жрецов. Однако по пути её стали одолевать сомнения: «Наверное, они просто посмеются надо мной. Жрецам нужно платить серебром и золотом, а не куском ячменной лепёшки. Ведь они едят хлеб только из чисто-белой муки». Девочка заколебалась и замедлила шаг, обдумывая, как поступить. Но где-то в глубине души она уже чувствовала, что всё равно пойдёт туда, несмотря на все насмешки или даже опасности.

Осторожно ступая босыми ногами по шершавым камням, Бел приблизилась к селению. Там повсюду сновали рабы. Никто не обращал на неё ни малейшего внимания. Бел свернула к деревянному храму, на ступеньках которого толпились рабы. По-

видимому, они кого-то ждали, и как только она начала подниматься по широкой лестнице, ведущей к храму, все разом повернули головы... По ступенькам поднимался богато одетый жрец. Его гладко выбритая, согласно обычаю, голова скрывалась под пышным убором из перьев белой совы. Бел подождала, пока он поравнялся с ней, а потом, забыв от волнения все подходящие в таких случаях приветствия, торопливо выпалила:

– Тебя зовут Вин?

В первый момент и жрец, и окружавшие его рабы оцепенели от изумления, но потом произошло нечто ещё более удивительное. Вместо того, чтобы просто отмахнуться от маленькой замарашки, он наклонился к ней и сказал почти ласково:

– Да, меня зовут Вин. Какими судьбами ты здесь оказалась?

– Не знаю, – неуверенно начала Бел, но быстро спохватилась и сбивчиво заговорила:

– Я думала, тут замешаны силы жизни и смерти. Видите ли, есть сила, которая делает воду в ручье сладкой, а есть сила, которая отняла жизнь у моего братика. А теперь и мама заболела... Надо что-то делать. Вот я и отправилась на Мейден-Ринг помолиться о её здоровье...

Она хотела было продолжить свой рассказ и объяснить, что у неё есть кусочек ячменной лепёшки для жертвоприношения, но Вин властным жестом руки, украшенной дорогими перстнями, остановил девочку.

– На Мейден-Ринг? – изумлённо спросил он. – Ты хочешь сказать, что такая маленькая девочка, как ты, пришла сюда одна?

– Я самая старшая в семье... – начала было Бел, но потом решила признаться: – Да, мне было страшно, но, если надо, я бы пошла даже ночью.

– Что же, – задумчиво сказал Вин, – пожалуй, так оно и есть. Я тебе верю...

– Сейчас-то ещё не так плохо, потому что почти нет теней! – оживившись, затараторила Бел.

– Осторожнее, дитя! Есть вещи, о которых лучше не говорить, – остановил её Вин сурово.

– Простите, пожалуйста. Я не знала, – испугалась девочка.

– Ещё бы, откуда тебе знать... – внушительно сказал Вин, и Бел вдруг показалось, что голос жреца доносится откуда-то издалека, а его глаза проникают прямо в душу. – В самом деле, откуда тебе знать, – повторил он. – Хотя мне кажется, что ты принадлежишь к числу избранных...

Что могли означать эти слова? И почему Вин так смотрит на неё, будто видит её насквозь?

– Итак, ты пришла к камням, – продолжал Вин, медленно поднимаясь по ступеням к храму в окружении своих рабов, – а теперь осмелилась войти в наше селение!

– Простите, пожалуйста, – снова пробормотала Бел, торопливо поднимаясь по лестнице, чтобы не отстать от жреца. – Я не хочу, чтобы моя мама умерла... Мне надо было принести жертву, но у меня с собой есть только вот этот кусочек ячменной лепёшки...

Как ни странно, Вин не стал над ней смеяться. К тому времени они уже достигли верхней ступеньки лестницы и оказались у входа в храм. Прямо перед ними, над тяжёлыми резными дверями, длинным

рядом стояли сморщенные головы... Их бывшие обладатели либо пали в бою, либо в своё время были принесены в жертву.

Король из Хай-Форта запретил человеческие жертвоприношения, однако жрецы по-прежнему придерживались старых традиций. Считалось, что головы, поставленные на возвышении у входа в храм, обладают невероятной силой и святостью и могут открывать жрецам тайны жизни и смерти, особенно во время праздника Самайн.

Вин поклонился головам, а затем вновь повернулся к Бел:

– Сейчас нет никакой надобности приносить жертву, дитя моё. Мне уже теперь совершенно ясно, что ты избрана свыше... Как тебя зовут и где ты живёшь?

Бел ответила.

– А без лепёшки камни ответят на мою молитву? – поинтересовалась она, потому что всё-таки хотела выяснить, станет маме лучше или нет.

Вин в нетерпении воздел руки к небу, и на солнце блеснули его дорогие перстни...

– Да перестанешь ли ты наконец задавать вопросы?! Я же тебе сказал, что молитва услышана, и теперь ты можешь отправляться домой. Жди и надейся, а каков будет ответ на твою молитву, никому не ведомо...

– Значит, моя мама... может...? – На глазах у девочки навернулись слёзы. «Какой же смысл молиться, – подумала она, – если после всех усилий мама всё равно умрёт?»

Жрец раздражённо махнул рукой:

– Ты что, хочешь, чтобы я весь день стоял здесь

и отвечал на твои вопросы? Сказано же тебе – можешь идти. Я и так уделил тебе слишком много времени.

С этими словами жрец направился к храму, но потом обернулся и спросил:

– Вот что ещё... Скажи, откуда тебе известно моё имя?

– Один из ваших рабов, его зовут Колл... – начала Бел, но тут же осеклась, пожалев о своей неосторожности, потому что при упоминании имени мальчика лицо Вина потемнело.

– А... этот негодник! Он вчера сбежал. Да ещё имел наглость другим рабам рассказать, что отправляется поговорить с этим монахом из Ирландии. Поработайте-де за меня, пока я прогуляюсь туда-сюда... Хороша идея! Ну ничего, когда вернётся, я задам ему такую трепку, что ему больше гулять не захочется. Ну, ладно, девочка... Теперь ступай!

Бел сразу же послушалась, но сама подумала: «Какой противный голос у этого Вина! Не хочу, чтобы он бил Колла. Колл говорил, что лучше быть рабом у ирландского монаха Колумбы, чем у Вина. Только вот беда – Колумба не держит рабов. А куда же ему ещё деваться? Никто в долине не возьмёт к себе беглеца, да ещё раба жрецов».

На душе у Бел было муторно и тоскливо и по-прежнему очень хотелось есть. Отойдя подальше от храма, девочка присела на берегу реки и достала из-за пазухи лепёшку. Река в этом месте текла неспешно – порой гладь воды казалась почти неподвижной. Всё вокруг дышало миром и покоем. Из прибрежных кустов поднялась цапля. В другое время Бел, наверное, замерла бы от восторга при виде

большой серой птицы с широко распростёртыми крыльями, а теперь, из-за усталости и разочарования, не обратила на неё почти никакого внимания. Девочка сидела на берегу, обхватив колени руками, и смотрела на воду...

Скоро её разморило на солнышке, и Бел даже не заметила, как уснула. Разбудили её звуки голосов. Откуда-то издалека доносилось пение, но разобрать слова было невозможно.

Бел решила напиться и наклонилась к реке зачерпнуть пригоршню тёмной солоноватой воды, но вдруг испуганно отпрянула, заметив на другом берегу высокого мужчину с ребёнком на руках, а за ним небольшую толпу людей. Если бы не ребёнок на руках, Бел приняла бы его за воина или даже принца. Из-под длинного одеяния незнакомца виднелись босые ноги, а вместо косичек, которые носили все воины короля, у него была бритая голова, как у жреца.

Станный человек бережно наклонился с ребёнком к воде и произнёс:

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Потом побрызгал водой ему на голову, обтёр малышу лицо и большим пальцем нарисовал у него на лбу какой-то знак.

– Образ креста творю на челе твоём, чадо. Эта печать дара Духа Святого. Отныне будешь ходить по стопам заповедей Господних, и да хранит тебя Сын, и просвещает Святой Дух!

– Аминь, – сказали все, стоявшие вокруг, и Бел заметила, что, кроме певцов, одетых так же, как и человек с ребёнком на руках, там были люди из их долины, в том числе несколько рабов. Среди них она увидела и Колла.

«Должно быть, это тот ирландский монах Колумба, который может сражаться безо всякого оружия», – подумала Бел.

Колумба выпрямился, вышел на берег и отдал ребёнка матери. Тем временем песнопения продолжались.

«Есть три Защитника, Они всегда с тобой...» – пели монахи, а Бел, слушая незнакомую песню, подумала: «Виннаг, наверное, обрадуется, когда узнает, что Колумба со своими монахами охраняет нашу долину. Маме тоже надо будет рассказать... Вот бы расспросить Колумбу обо всех этих дурных приметах, о песенках, которые навлекают на нас несчастья, и вообще поделиться своими заботами. Может быть, он бы помог маме...»

А монахи всё продолжали петь. Голоса их то взмывали ввысь, то падали вниз, как морские волны, а Бел, как зачарованная, стояла и слушала, пытаясь получше запомнить слова незнакомой песни:

Есть три Защитника, Они всегда с тобой –
Отец и Сын и Дух Святой.
И на заре, и в час ночной
Молюсь: «Господь, пребудь со мной!»

– Теперь ты, – сказал Колумба, и один из рабов выступил вперёд. Монах взял его за руку и подвёл к берегу реки. Раб стал на колени, склонив голову, а Колумба плеснул на него водой и опять произнёс те же слова. Только на этот раз, когда раб поднялся с колен, Колумба – этот великий человек, обладавший, по словам Колла, огромной властью, – поцеловал его. Тем временем пение продолжалось.

Бел смотрела и не верила глазам своим... Что же это за всемогущий человек, который ходит босиком, возится с детьми и целует рабов? Потом настала очередь Колла, и он тихо выступил вперёд с выражением спокойного достоинства на лице.

Колумба побрызгал речной водой на коленопреклонённого мальчика, и Бел видела, как тонкие струйки стекают у него со лба за тяжёлый железный ошейник. Песня смолкла, Колл выпрямился, а Колумба поцеловал его и обратился к мальчику с такими словами:

– Теперь ты принадлежишь Царю царей, по чьей воле я пришёл сюда с востока Ирландии. Я Его раб. Иди и тоже служи Ему, куда бы ни направила тебя Его воля. Путь это непростой. Тёмные силы, старые привычки и греховные желания – все они ополчатся на тебя, но положишься на Господа нашего Иисуса Христа, и Он не оставит тебя. А теперь прими благословение во имя Его.

Колумба вытянул вперёд коричневую от загара руку, на которой не было никаких колец, и сделал в воздухе знак креста. Стоявшие вокруг опустили на колени, и журчание реки вторило их молитвам. Ребёнок на руках у матери мирно спал.

Когда же молитва была окончена и люди собрались уходить, Колумба вдруг повернулся к Бел.

– Благослови Бог Всевышний и тебя, наш маленький зритель! – сказал он. – Пусть всегда хранит тебя Бог Отец, защищает Бог Сын, и благословение Духа Святого пусть пребудет всегда с тобою и всеми твоими домашними!

Бел инстинктивно протянула к нему руки, будто могла дотянуться до Колумбы и взять эти добрые

слова, обещавшие защиту от зла. Колумба трижды повторил молитву, и над рекой опять прозвучали слова, глубоко запавшие в душу Бел: «Да пребудет благословение Святого Духа с тобою и всеми твоими домашними и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь».

Эти не до конца понятные слова показались Бел очень важными, но, прежде чем она успела что-то спросить, Колумба повернулся и пошёл следом за людьми, а за ним поспешил и Колл. Бел хотела предупредить мальчика, что его ожидает по возвращении к жрецу, но, увы, их разделяла река. А к тому времени, когда Бел перебралась на другой берег, они уже были далеко. Поэтому девочка даже не пыталась догнать их, а направилась прямо домой и, войдя в хижину, увидела, что мама сидит у огня. Она была ещё очень слаба, но всё же самое худшее уже миновало. Жар спал, и все женщины, хлопотавшие около больной, ушли. Осталась лишь близкая подруга, готовившая обед, который, судя по запаху, обещал быть очень вкусным.

Мама устало подняла голову и недовольно спросила:

– Где ты была, Бел?

4

РАССКАЗ ВИННАГ

Как только выдалось свободное время, Бел поспешила к Виннаг рассказать о том, что мама начала поправляться, ну и, конечно, задать вопрос, который тревожил её с того дня, как она получила от Колумбы благословение на берегу реки, и, придя домой, увидела, что мама почти здорова.

– Что я думаю? Тебя интересует, что помогло маме? – переспросила старушка и, сделав рукой знак, ограждающий от зла, добавила: – Твоя молитва в Мейден-Ринг или ирландский монах Колумба – человек с именем голубя, но, как я слышала, великий воин... Пусть никогда больше здоровье не оставит ее...

– Не только великий воин, но и великий господин, – заметила Бел. – Однако при этом у него нет рабов. Ходит он босиком, берёт на руки маленьких детей и целует рабов в знак любви.

– Очень странно, – согласилась Виннаг.

– Жрецы в храме так не делают, – продолжала Бел. – Мы были на Мейден-Ринг на празднике Солнцестояния. Они празднуют наступление лета и торжество света, но никогда не разговаривают с обычными людьми. Жрецы – высоко над нами, они святые, недоступные! – Вспомнив про мамин браслет, Бел добавила: – А когда они молятся за нас или совершают жертвоприношение, им обязательно надо хорошо заплатить...

Виннаг кивнула.

– Давным-давно, когда Мать Земля оплакивала смерть своей прекрасной дочери Принцессы Хлебное Зёрнышко, на свете не было ни храмов, ни жрецов, и лишь одна мудрая женщина молилась за свой народ в маленькой хижине из ивовых прутьев...

Но Бел не слышала Виннаг, мысли ее были далеко. Она думала о своих трудностях, сегодняшних нерешённых вопросах и не обратила никакого внимания на рассказ Виннаг.

– А жрец Вин так и не взял мою лепёшку, – задумчиво сказала она. – Вин говорил, что у меня какой-то особый дар, что я – избранная, хотя что это значит – непонятно...

При этих словах Виннаг зашевелилась и попыталась подняться на ноги.

– Вот что я тебе скажу, одарённая и избранная Бел, – берегись, это страшные слова. Я сразу почувствовала, что ты не совсем такая, как другие, ещё когда ты в первый раз пришла ко мне со своими вопросами. Только тот, кто ищет истину, осмеливается бросить вызов своим богам и близким. Искать истину нелегко, но ищущий иногда находит. Значит, он сказал «одарённая», «избранная»? Ох! Не к добру всё это... Берегись, дитя моё!

– Что ты имеешь в виду? Ты меня боишься, Виннаг?

– Нет, дорогуша, – сказала старая женщина уже несколько спокойнее, – тебя не боюсь, а вот за тебя – немножко, да. На самом деле для меня это большая честь, что ты пришла в мою убогую хижину. Помоги мне подняться на ноги, дорогая моя, и давай вместе выйдем на солнышко.

Бел подхватила старушку под руку, и Виннаг заковыляла к выходу. Стоял жаркий день, как две капли воды похожий на другие дни этого лета. Увы, яркий блеск солнца уже не радовал жителей долины. Иссушающий зной уже принёс беду – начал падать скот, а ещё оставшиеся в живых животные болели, так что пить молоко было небезопасно. Среди людей первыми начали умирать старики. Пережив трудную зиму, они не смогли справиться с жарой – начали задыхаться и, ослабев и устав бороться, тихо отходили в тот мир, где не бывает изнуряющего зноя. Такова была цена солнечных дней и необычно буйного цветения диких трав и злаков – казалось, вся долина покрылась разноцветным ковром, хлеба налились тяжёлым колосом, а ягоды – сладким соком.

Вокруг хижины Виннаг вся земля была усеяна цветами ромашки. Отовсюду исходил терпкий запах тимьяна и дикого чеснока.

– Сорви мне немного травы и диких цветов, дорогая, – попросила Виннаг, – и сними сандалии. Походи немножко босиком, как бабушка Виннаг.

Бел повиновалась.

– А теперь дай мне цветы и возьми пригоршню земли.

Бел выполнила и эту просьбу, перепачкав в земле руки.

– Так, а теперь вытяни руки. – С этими словами Виннаг посыпала землёй одну ладонь девочки, а на другую положила тёплые, пахучие травы.

– О Бел! – торжественно воскликнула она, и в глазах старой женщины блеснули слёзы. – Тебя бы надо украсить гирляндами цветов, а прислуживать

тебе должны были бы самые красивые девушки нашей долины. Ты – наша Королева Лето в богатом зелёном убранстве из диких трав! Старая Виннаг хочет воздать тебе королевские почести и принесла тебе свой скромный дар... Теперь слушай меня внимательно, девочка. Я кладу тебе в ладони землю и её плоды. Нелегко, ох, как нелегко взять их у земли – для этого нужна тяжкая работа. И всё же это та самая земля, которая даёт нам достоинство, наши права и корни. Все люди – короли и воины, поэты и жрецы, крестьяне и рабы, и мы, женщины, где бы мы ни жили и как бы к нам ни относились люди, – имеют своё место на этой земле. Чёрная земля, по которой мы ходим, воспитывает и кормит нас, а зелёные холмы, ставшие стеной вокруг долины, берегут и охраняют – и всё это принадлежит нам по праву от рождения. Поэтому, Бел, девочка-почемучка, пытливая моя душа, никогда не забывай любить нашу дорогую землю!

Бел кивнула:

– Конечно же, я люблю её, Виннаг. Люблю нашу долину и холм, где живут олени, люблю рябину и орешник, и наш ручей. В нём вода сладкая... Колумба поливал ребёнка этой водой. А ведь есть ещё и море. Ты мне хотела рассказать историю про море, помнишь?

– Конечно, моя девочка. Не забыла я и про воду. Без воды тоже ничего не бывает на земле. Земля и её плоды нуждаются в воде...

– Да что и говорить... Только в последнее время её что-то совсем мало стало, – сказала Бел, отряхивая руки от земли и травы. Надевая сандалиии, она озабоченно добавила: – Так долго не было дождя,

что все ручьи пересохли. А вдруг в будущем году снова будет засуха?

Виннаг ничего не ответила, но метнула на Бел быстрый взгляд пронзительных, глубоко посаженных глаз и, повернувшись, заковыляла назад в свою хижину. Девочка последовала за ней.

– Ты знаешь, Виннаг, я всё думаю об этих жрецах в храме, – сказала Бел, наливая в потрескавшуюся чашки отвар ромашки – в этот раз Виннаг попросила её похозяйничать. – Так вот, что я говорю. Они не общаются с простыми людьми, как Колумба. Жрецы носят богатые одежды, мягкую обувь... А как пахнет их обед!

Виннаг невесело кивнула:

– Да, дорогуша, у них всё есть, потому что у них власть. Давным-давно, когда воины твоего народа пришли в нашу долину с железными мечами и копьями, они отобрали её у Мудрой Женщины. А единственное железо, которое досталось моему народу, – это ошейник раба... Да, жрецы взяли власть, но, как ты совершенно правильно заметила, они отделились от людей, а вот твой Колумба, судя по всему, действительно очень хороший человек.

– Но ему очень нелегко, – попыталась объяснить Бел. – Он сам это говорил. Колумба полностью отказался от оружия, которым сражаются воины.

– Что, в самом деле отказался?

– Да, и Колл – тот мальчик-раб, которого я встретила у ручья, тоже говорит, что он выигрывает сраженья без оружия. Ты слыхала что-нибудь подобное?

– Нет, – согласилась Виннаг. – По крайней мере, среди людей я такого не встречала.

Но Бел не унималась:

– Знаешь, пожалуй, я догадываюсь, что Колл имел в виду. Помнишь, я тебе рассказывала, что, когда я пришла домой, маме стало лучше. Как ты думаешь, Виннаг, это был Колумба или...?

Виннаг уставилась в свою чашку с ромашковым отваром и нехотя пробормотала:

– Хорошее благословение может многое. Впрочем, что об этом говорить. Давай будем просто радоваться тому, что мама выздоровела. И хватит об этом...

Но Бел покачала головой – такой ответ её явно не устраивал. Где-то в глубине души девочка чувствовала, что ей обязательно нужно выяснить, в чём же тут дело.

– Ладно, Королева Лето, – улыбнулась Виннаг. – Давай я лучше расскажу тебе одну историю. Хочешь?

– Конечно, Виннаг, расскажи, пожалуйста!

– Тогда слушай. Ты хотела узнать, почему вода в ручье сладкая, а в море – такая солёная. Так вот. Давным-давно в древнем замке на самом берегу моря жили две сестры. Только тогда море ещё не было солёным и не вздымалось, как сейчас, и волны с жалобным рёвом не набегали на берег. Гладь моря была спокойной, как вода реки, схваченная первым морозцем, и сияла серебром, словно платье доброй феи. И каждый день две сестры, которых звали Сель и Сула, ходили к морю за водой. Вернее, ходила одна Сула, а Сель лишь пила из серебряных кубков сладкую воду, которую приносила её сестра.

Я должна тебе сказать, Бел, что жили две сестрички очень счастливо, ни единой ссоры меж ними

не было, и ни разу никто из них не пролил ни одной слезинки. И жили они так до тех пор, пока Сула делала всё, что сестра пожелает, – и убирала, и готовила, и всё ей приносила, а Сель сидела целыми днями, сложа свои белые мягкие ручки, и пела... Но пела она так замечательно, что люди, заслышав её голос, спешили к ней со всего света послушать чудные песни, навевавшие мир и покой. Вот почему Сула была так терпелива к своей сестре, никогда не говорила ей ни единого грубого слова и не жаловалась на судьбу – песни Сель наполняли сладостью её дни, и любая работа казалась лёгкой. Однажды Сель обратилась к Суле с просьбой. И произнесла она свою просьбу таким сладчайшим голосом, что даже жаворонки на небе, заслушавшись, перестали петь.

– Милая моя сестричка, – сказала она, – там на горе растёт сладкая-сладкая ягода куманика. Собери мне немножко куманики, я так хочу ею полакомиться. А я спою для тебя, и дорога покажется тебе лёгкой и приятной.

Сула взяла лукошко и отправилась собирать куманику. Шла она легко и свободно, а сестричка сидела сложа ручки и пела песенки. Но гора была очень далеко, гораздо дальше, чем думала Сула. И когда она наконец добралась до места, то увидела, что гора необычайно крута и камениста. А главное, ушла она так далеко, что песни Сель больше не достигали её слуха. Однако Сулу и это не остановило, хотя с каждым шагом подниматься в гору, не слыша песен Сель, было всё трудней и трудней. Вскоре она изранила ноги об острые камни и исцарапала руки о колючий кустарник. Девочке стало так больно, что по щекам её сами собой потекли слёзы и она

почувствовала на губах чуть горьковатую соль. Боль и обида всегда имеют привкус горечи.

Набрав ягод, Сула устало побрела домой. Её исколотые руки были испачканы кровью и соком ягод. Подходя к дому, она с надеждой прислушивалась, пытаясь услышать пение Сель, но из замка не доносилось ни звука. Вот Сула переступила порог дома – всё вокруг было погружено в тишину, напоминавшую ей недвижимую гладь морской воды. Обеспокоенная, Сула побежала в комнату и увидела, что сестра спит, свернувшись калачиком у огня и даже забыв подбросить туда дров. Угли уже почти остыли – дело неслыханное не только по тем, но и по нынешним временам.

Сула так устала и измучилась, собирая ягоды, что эта картина привела её в бешенство. Она схватила Сель за плечо, оставив на белоснежной коже пятна сока и крови, и обрушила на сестру град упрёков. Такого Сель не доводилось слышать никогда.

Более того, увидев свою измученную и израненную сестру, Сель содрогнулась от отчаяния и стала горько укорять себя за свою жестокость. Угрызения совести были столь сильны, что она зарыдала и, не в силах совладеть с охватившим её отчаянием, побежала к морю и бросилась в воду.

Как ты помнишь, море тогда было пресным, но солёные слёзы безутешной Сель текли непрерывным потоком, смешиваясь со сладкой морской водой. Сула побежала за сестрой на берег и, увидев, что случилось, тоже начала плакать, вспоминая, какие резкие упрёки она бросила ей в лицо всего несколько минут назад. Наконец, не в силах вынести постигшего её горя, она тоже бросилась в море.

С тех пор сладкая морская вода, смешавшись со слезами, стала солёной, а на море поднялись волны, потому что в воде Сула стала искать сестру, в надежде протягивая к ней руки, и зеркальная гладь моря дрогнула, и появились волны... С тех пор сёстры всё ищут друг друга на дне морском, роняя солёные слёзы, а над ними шумно вздыхают волны.

Вот и подошла к концу наша история... Со временем у Сель вырос длинный рыбий хвост. Она стала русалкой, и до сих пор, когда поднимается ветер и по морю бегут грозные валы, можно услышать её красивый голос, тоскующий в разлуке с сестрой.

А Сула так и не смогла забыть берег, куда ей так часто приходилось ходить за водой. Тосковала она и о горах, где растут алые ягоды. Ведь Суле так и не удалось попробовать собранной с таким трудом куманики. Поэтому она отрастила себе блестящую мягкую шкурку, которая греет её в холодной морской воде, и иногда выходит на берег, глядя вокруг своими печальными глазами.

– Так она превратилась в тюленя?! – воскликнула Бел.

– Да. Говорят, что тюлени иногда сбрасывают шкуру и бродят по берегу в человеческом облике, порой заходя даже далеко в горы. Это Сула ищет куманику, которую ей так и не удалось отведать, и скучает по своему замку и тёплому очагу. Кроме того, она любит слушать музыку и, думая, что это поёт Сель, всякий раз отвечает ей грустным протяжным криком.

– Бедная Сула, – вздохнула Бел, – и бедная Сель. Мне никогда не доводилось видеть русалку и слышать, как она поёт, но тюленей я слышала. Когда я

в следующий раз пойду к морю, попробую солёную воду и увижу тюленей с грустными глазами, наверняка вспомню и твою печальную историю. И всё же, Виннаг, ты мне до сих пор не рассказала, почему вода в ручье сладкая.

– Какая же ты упорная девочка! – сказала Виннаг, а Бел подумала: «То же самое говорил и Вин, только голос у него при этом был очень злой. Но Виннаг я об этом не скажу – не хочу, чтобы она беспокоилась. И не хочу, чтобы она смотрела на меня испуганно, как тогда... будто хотела поклониться мне в ножки. Во мне нет ничего особенного. Я просто Бел».

Однако по спине у неё пробежал холодок, и Бел сказала с наигранной весёлостью:

– Отличная история! Хотя больше всего она, наверное, понравится тем, кто не любит море.

Тут Виннаг вдруг рассмеялась...

– Это точно. Море – удивительная штука. Правда, как я уже тебе говорила, оно принесло смерть моему народу. На нашем языке теперь никто не говорит. Кое-какие слова иногда проскальзывают в старых названиях, особенно в именах рек. Когда силой, когда хитростью и колдовством, а порой и по любви наша кровь смешивалась с кровью вашего народа, нашего победителя, а кровь говорит на своём языке...

– Не знаю, правильно ли я тебя поняла, Виннаг, но я действительно очень сожалею, что народ моей мамы принёс смерть вашему народу.

– Ну, это дело прошлое, – улыбнулась Виннаг. – Сколько лет прошло – почитай, тысяча, а может, и больше...

– И всё же говорят, что «тёмные люди» вашего племени никогда не исчезнут из нашей долины, – сказала Бел.

– Вполне возможно. И я этому очень рада.

– А что ты думаешь о колдовстве? Правда, что среди вас водились колдуны и колдуньи?

– Может быть, и так.

– Расскажи, пожалуйста, – взмолилась Бел.

Виннаг решительно покачала головой:

– Только не сейчас, дорогая моя. На сегодня хватит. Смотри, сколько мы за сегодня успели! Ты стояла босиком на голой земле и была Королевой Лето, мы отпраздновали твою коронацию хорошей сказкой и отваром из ромашки, а теперь я устала. Как-нибудь в другой раз расскажу тебе.

Бел пришлось согласиться. Она поблагодарила Виннаг за «праздник» и отправилась домой по крутому склону холма. По дороге Бел думала: «Интересно, сколько ещё историй знает Виннаг. Жалко, что мамы не пускают своих детей послушать её сказки».

Вечером Бел рассказала сёстрам историю Сель и Сулы, наполнивших своими солёными слезами целое море, и Элир, Генанн и Мурин слушали её, затаив дыхание. Бел не терпелось вновь сходить к Виннаг, чтобы узнать ещё какую-нибудь историю, однако случилось так, что прошло ещё немало долгих месяцев, прежде чем им суждено было встретиться.

Но, как бы там ни было, с того самого дня Виннаг из древнего племени «тёмных людей» навсегда вошла в её жизнь... Как любила говорить сама Виннаг, Мать Земля и Принцесса Хлебное Зёрнышко встретились, и пути их переплелись, чтобы жизнь в долине продолжалась.

5

ИЗБРАННАЯ... НА СМЕРТЬ

Этим летом почти не было дождя. Люди ждали, прислушивались. Знойные дни сменяли душные ночи, но с небес на землю не упало ни капли, пока наконец...

– Слушайте! – шепнула Бел сестрёнкам однажды вечером. – Дождь!

– Наконец-то! – воскликнули все хором и бросились на улицу.

Мама вынесла на улицу большой глиняный горшок.

– Если повезёт, к утру соберём хоть немного воды, – сказала она и не ошиблась.

Дождь, не переставая, лил четыре дня, и ручей, вновь наполнившись водой, весело побежал по камням. Но вдруг дождь прекратился так же внезапно, как и начался, и долгое время опять стояла засуха, а потом, когда подошло время собирать урожай, хлынул с новой силой. Сильный ливень даже примял колосья, а потом опять выглянуло солнце...

– Ну и лето выдалось в этом году, – недовольно покачивая головой, сказал отец Бел, устало скидывая с плеч большую вязанку хвороста. – Ничего не поймёшь – то сухо, то льёт, как из ведра. А сейчас ещё одна напасть объявилась. В Хай-Форте началась лихорадка. Сегодня умер ребёнок.

Болезнь скоро распространилась по всей долине. У Бел болела голова, нездоровилось и её маленьким

сестрёнкам. Хуже всего было Генанн – целую неделю малышка лежала в лихорадке и ничего не ела, как ни пытались Бел с мамой уговорить её съесть хоть что-нибудь.

Олени почти каждый день стали спускаться с гор – пощипать травку на лугу у их дома. Бел часто видела их, когда вечером отправлялась к ручью набрать в бурдюк воды.

Колумбы нигде не было видно, но его монахи бродили по всем окрестностям. Они собирали травы и делали из них лекарства, которые потом с молитвой раздавали всем больным в долине.

– Хорошие, святые люди, – говорил о них отец Бел, – некоторые из них, даже сам Колумба, принадлежат к королевской семье Ирландии, а всё же ходят за больными и никому ни в чём не отказывают. Сами построили себе небольшие круглые хижины из ивовых прутьев и живут тихо, мирно – распевают свои гимны, псалмы и молятся. Король Коннел из Хай-Форта тоже поклоняется Христу, как в своё время и мои родители. Думаю, что и нам стоило бы последовать их примеру...

Мама потрогала свой костяной амулет на шее и строго сказала:

– На свете есть много разных сил. Если мы отвернёмся от своих старых богов, они придут и отомстят нам. Особенно теперь, когда в долину пришла засуха и болезни, лучше было бы не рисковать и не гневить наших богов. Что, Деррил вернулся с рыбалки?

– Нет пока, – ответил папа, – но река так обмелела, что вряд ли он там много поймает.

И он оказался прав. Деррил принёс домой такой

улов, что сразу же было единогласно решено отдать его кошке.

Генанн стало немного лучше, но она была ещё очень слаба и целыми днями лежала. Бел думала было пойти к Виннаг – спросить совета, как вылечить сестрёнку, но у неё буквально не было ни одной свободной минуты. Созрели ягоды, и нужно было их собирать, а потом давить из них сок.

– Вот уж и рябина покраснела, – сказала мама, – а дождя всё нет.

Она вышла во двор, поглядела вдаль и вдруг тихо вскрикнула. На крик сбежалась вся семья.

– Смотрите, – показала мама в сторону леса.

Три вороны, мерно махая крыльями, летели по направлению к их дому. Чёрные силуэты птиц отчётливо выделялись на фоне темнеющего вечернего неба.

– Не одна, а целых три... – прошептала она. – Мрачная картина. От неё веет смертью.

Вся семья стояла и смотрела, как вороны, пролетев над крышей их дома, пересекли долину и исчезли за холмом в той стороне, где был Мейден-Ринг.

«Где же Колумба?» – подумала Бел, внезапно почувствовав, где кроется выход из всех несчастий, обрушившихся на долину. Колумба наверняка сможет бросить вызов тёмным силам. Ведь у него есть оружие, которое посильнее любого меча, хотя, что оно из себя представляет, Бел толком не знала. «Может быть, это молитвы и имя его Бога», – подумала девочка.

Но никто не знал, где Колумба. Может быть, он отправился на зелёный остров в западной части побережья, где жил в полном уединении среди бе-

лого песка, тюленей и неумолчного шума морского прибоя?

«Он нужен здесь, – подумала Бел, – но, с другой стороны, чем же тогда занимаются наши жрецы? Неужели они никак не могут прогнать из долины болезнь и смерть?»

Но высказать эти мысли вслух девочка не решилась.

«Надо спросить у Виннаг, – решила Бел, – прямо завтра и пойду, а то сегодня уже поздно».

Дни становились короче, и вечерами было уже не так светло. Но зато вечера стояли очень тёплые, безветренные, и по-прежнему не было ни капли дождя.

Бел решила пойти прогуляться – кто знает, может, даже удастся увидеть оленей. Вот было бы здорово, если бы их не заедали мухи, как днём. Хорошо, вечером мух всё-таки поменьше.

Мух-то поменьше, зато мошки! Почти невидимые крошечные кровопийцы тучей набросились на девочку, и не успела она ещё толком отойти от дома, как лицо, шея, руки и колени уже нестерпимо чесались от десятков укусов. Бел остановилась под большой рябиной... «Дальше идти, видимо, бессмысленно. Они меня вконец зажалют», – почёсываясь, подумала она и хотела было повернуть домой, как вдруг по ту сторону ручья раздался собачий лай. Это значит, что приближается кто-то чужой. И действительно... Повернувшись к ручью, она увидела целую процессию, которая медленно шествовала через долину по направлению к их дому.

«Они идут из храма, – подумала девочка и вздрогнула. – Интересно, что им здесь нужно?»

Мама тоже вышла из дому и посмотрела в сторону долины.

– Жрецы из храма, – сказала Бел, показывая пальцем в сторону процессии.

– Куда это они идут в такое время?! – всполошилась мама и позвала отца.

За ним во двор выбежали маленькие сёстры Бел и тоже усталились на чужаков, тесно прижавшись к ногам матери. Деррил стоял рядом с отцом, держа на руках маленького щенка, которого недавно подарил ему дядя. А Бел так и осталась стоять под кроной большой рябины, не в силах оторвать взгляд от таинственной процессии.

Совсем рядом с ними стремительным зигзагом расчерчивала вечернее небо летучая мышь, а в роще за холмом ухнула сова.

– Ночь опускается, наступает время нечистой силы, – сказала мама и вздрогнула. – Всё-таки, что им нужно? Зачем они сюда идут?

Почувствовав мамин испуг, Генанн расплакалась, а Бел так и стояла одна под рябиной, как вкопанная, будто чувствовала... Чувствовала с того самого дня, когда пошла к храму и Вин назвал её избранной. А может быть, даже раньше, с того момента, как в голове у неё зародились вопросы о сладкой воде родника и безжалостной смерти, которая не щадит не только оленей, но и детей, убивая их порой ещё до появления на свет. Когда на долину обрушились несчастья, Бел уже чувствовала, что кому-то придётся за всё это заплатить. Поэтому сейчас она стояла, объятая страхом, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой.

Процессия была уже совсем близко, и Бел ни-

чуть не удивилась, увидев, что во главе её шествует Вин.

Верховный жрец подошёл и низко поклонился родителям Бел.

– Мы пришли отдать вам почести и сообщить, что богам было угодно избрать вашу дочь, – сказал он, а рабы возложили у ног перепуганного семейства дорогие подарки: вино, мёд, янтарные украшения, мешки душистых трав, баночки с благовониями, клетку с цыплятами, козу на верёвке и связки тонкого полотна.

Родители Бел с немым изумлением посмотрели друг на друга. В их взглядах Бел уловила отчаяние отца и страх матери, смешанный с желанием поскорее набить свой резной сундук неожиданно свалившимися на них неслыханными сокровищами. Девочка знала, что отец не осмелится, а мать не захочет отказаться от богатого подношения жрецов.

Наконец папа пришёл в себя:

– Повелитель, мы бедные люди, но у нашего очага для дорогих гостей всегда найдётся место. Добро пожаловать!

Вин поблагодарил его, объяснив ещё раз, что они пришли не просто в гости, а для того, чтобы отдать их семье великие почести. При этом жрец выразительно посмотрел на Бел.

– Богам было угодно избрать твою дочь и повелеть нам принести её в жертву на Мейден-Ринг, – сказал он.

Услышав эти слова, мама издала сдавленный крик, а отец, уронив руки, в отчаянии уставился на Бел. Все повернули голову в её сторону. Взгляды ранили больше, чем укусы злых мошек. Бел обер-

нулась и, посмотрев на холм вдаль, поняла, что теперь ей нигде не скрыться.

– В долину пришли болезнь и нужда. Настала пора обратиться к богам и отдать дань старым традициям, – сказал Вин.

«А ведь мы чтили старые традиции, – подумала Бел, – молились в храме, а мама даже отдала свой браслет, но болезни, засуха и смерть всё равно пришли в долину».

– Господин, она ещё ребёнок! – попробовала робко возразить мама.

– Богам нужна девочка её лет, – внушительно сказал Вин, – не ребёнок, но и не взрослая девушка. Когда кончится лето, мы принесём её в жертву во время праздника Самайн.

Тут Бел расплакалась. Плакали и её сестрёнки. Бел слышала их плач, но уже была не в силах их успокаивать и сдерживать свои слёзы.

– Нет, не-е-е-т... – судорожно всхлипывала она.

На плечи девочки легли сильные руки рабов.

– Помогите! Помогите! – кричала Бел сквозь слёзы.

Мама тоже что-то закричала, а отца от бессилия и горя била дрожь. Никто из них ничем не мог ей помочь.

Колумба мог бы её спасти, но он был далеко на своём уединённом зелёном острове. Виннаг – едва ли... С трудом передвигающаяся старая женщина, назвавшая её Королевой Лето, не могла освободить её от власти жрецов. Никто не пришёл на помощь Бел, и сильные рабы потащили упирающуюся девочку к жрецу.

Вин раздражённо посмотрел на неё и, сурово

сдвинув брови под пышным головным убором из перьев совы, закричал:

– Глупая! Ты будешь носить корону с рубинами, которые краснее ягод рябины, и есть такую вкусную пищу, которую никогда в жизни даже не пробовала! Тебе будут прислуживать десятки слуг, как настоящей принцессе. Поэты будут слагать в твою честь длинные поэмы...

Жрец говорил и говорил. Слова эти звучали всё настойчивее и убедительнее. Бел уставилась на него с недоверием: «Зачем мне корона с рубинами, стихи или вкусная пища, когда они собираются меня убить?» Девочку разрывали рыдания. Она вся дрожала. Тем временем на вечернем небе погасли последние светлые полосы заката. Рабы зажгли факелы.

– Но зачем же забирать её прямо сейчас? – слышался умоляющий голос отца. – Ячмень ещё не убран. Листья на деревьях только начинают желтеть. До праздника Самайн ещё так далеко!

– К жертвоприношению следует подготовиться, – холодно ответил Вин.

Бел вздрогнула и сквозь слёзы уставилась на жреца.

«Жертвоприношение» – вот оно, это страшное слово, которого она так боялась! «Интересно, догадывалась ли об этом Виннаг? Может быть, она заколдовала меня, когда поставила босой на землю и стала подносить землю и травы, услышав, что жрец назвал меня «избранной»?

Избранной на смерть.

При этой мысли её охватил такой ужас, что Бел даже не смогла закричать. Она растерянно огляде-

лась, но огни факелов трепетали вокруг сплошной огненной завесой, скрывая за собой и близлежащий холм, и их селение. Лишь высоко над головой в небе маленькими точками сияли звёзды, слишком далёкие и недосыгаемые, чтобы ждать от них помощи. Не говоря ни слова, она покорно дала рабам усадить себя на длинную повозку, запряжённую парой волов, покорно стоявших в темноте и лишь слегка подёргивавших ушами.

Процессия двинулась в обратный путь. Рядом с маленькой пленницей по обе стороны повозки шли рабы с факелами. Бел никогда ещё не приходилось выходить из дому в такую пору, поэтому она удивлённо оглядывалась вокруг, потирая комариные укусы, и не могла поверить, что эта расстилавшаяся вокруг мрачная чернота и была её родной долиной.

Из ночной темноты доносились леденящие душу крики сов... Бел стало очень жалко маленьких птичек и других маленьких мохнатых существ, спасавшихся сейчас от ночных охотников.

«Они такие же беззащитные, как и я», – подумала Бел и вновь заплакала.

Вскоре она услышала шум реки. Значит, скоро они будут проезжать то место, где она видела Колумбу. Монах благословил Бел и её семью, и его слова отвели смерть от мамы. И вот смерть вернулась вновь...

«Только на сей раз за мной, – подумала Бел, – а Колумба слишком далеко...»

Но означало ли это, что так же далеко было и его благословение? Неужели эти добрые слова, обещавшие защиту от зла, действительны только на тот раз? Бел постаралась напрячь память и точно вспом-

нить, что именно говорил Колумба. «И всех твоих домашних...» – молился он. Именно эти слова, как ей казалось, помогли маме встать на ноги. Но, кроме того, Бел вспомнила, что во время молитвы Колумба несколько раз повторил слово «всегда».

Точно! Вспомнила! «Пусть всегда хранит тебя Бог Отец, защищает Бог Сын, а благословение Духа Святого пусть пребудет всегда с тобою и всеми твоими домашними».

Бел перестала плакать и подняла глаза к небу. Звёзды над головой, как всегда, взирали с высоты на мирно спавшую долину.

– Звёзды небесные, – прошептала девочка, – вы меня видите? Я здесь, внизу... Послушайте меня. Я прошу защиты и благословения у Бога, в которого верит Колумба.

При этом она невольно подняла руку, как бы подкрепляя свою просьбу, чтобы звёзды окончательно ей поверили, и тут же в памяти её всплыла песенка, которую пели монахи на берегу:

Есть три Защитника, Они всегда с тобой –

Отец и Сын и Дух Святой.

И на заре, и в час ночной

Молюсь: «Господь, пребудь со мной!»

Бел спела эту песенку про себя ещё раз. «И на заре, и в час ночной молюсь: «Господь, пребудь со мной!», – повторила она две последние строчки и почти сразу ощутила в душе покой и тихую радость, хотя по-прежнему чужие люди, замышлявшие убить Бел, куда-то везли её среди ночи в жёсткой повозке.

«Ночь добрая, – подумала девочка, – она покрывает долину, как одеяло».

Повозка въехала во двор храма. Бел безо всякого сопротивления спокойно сошла на землю, и её тут же окружила целая толпа женщин. Над ними высоко вверху расстился чёрный шатёр звёздного неба. Вокруг море незнакомых лиц, сливавшихся в одно. В другое время эта картина её, наверное, испугала бы, но сейчас девочка слишком устала и измучилась, чтобы обращать внимание на окружающих. Кроме того, в душе у неё воцарилось неведомое прежде ощущение мира и покоя – Бел почувствовала, что находится под надёжной защитой. Поэтому она спокойно последовала за женщинами в ярко освещённую комнату, где пол был устлан душистым сеном и травами, напоминавшими ей Виннаг и странный праздник Королевы Лето. Поверх трав было постелено чистое бельё и одеяло. Бел легла на льняные простыни, накрылась с головой шерстяным одеялом и сразу уснула.

Девочка была совсем одна, впереди её ждала смерть, но в сердце царил покой, вытеснивший из души страх. Поэтому сны её были мирны и безмятежны. Бел тихо улыбалась. Во сне она видела звёзды.

6

НЕ ХОЧУ БЫТЬ ПРИНЦЕССОЙ ХЛЕБНОЕ ЗЁРНЫШКО!

На следующее утро Бел, проснувшись, в первый момент ничего не могла понять, не увидев рядом посапывающих сестрёнок и привычного очага. Вокруг раздавались какие-то странные звуки.

«Где я?» – подумала девочка и тут же вспомнила... Душу её охватили страх и тоска по дому, а на глаза навернулись слёзы. Здесь никто её не услышит, никто не поможет... Но тут внезапно Бел заметила в комнате женщину-рабыню, которой, должно быть, приказали её охранять.

Увидев, что пленница уже проснулась, рабыня подошла к ней, неслышно ступая босыми ногами по деревянному полу.

Скромно опустив голову и глядя куда-то в сторону, она как-то странно обратилась к девочке, несколько раз назвав её «госпожой», как будто обращалась не к Бел, а к кому-то ещё.

– Госпожа уже отдохнула? Тогда не соблаговолит ли госпожа встать – её ждёт завтрак.

– Я хочу домой, – сказала Бел.

На это служанка ничего не ответила, но подала незаметный сигнал, и в комнату вошли ещё женщины. Все они не поднимали глаз на Бел, а смотрели куда-то в сторону. Женщины принесли хлеб из белой пшеничной муки, душистый сотовый мёд, фруктовый сок и большой кусок аппетитного жарен-

ного мяса. Но Бел сейчас действительно предпочла бы всем этим яствам ячменную лепёшку, козьё молоко и овсяную кашу у своего родного домашнего очага. В окружении чужих людей вся эта непривычная изысканная пища утратила вкус, и есть она почти ничего не стала.

После завтрака женщины стянули с неё старенькое платье из грубой шерсти и искупали её в тёплой воде с душистыми травами. До этого Бел купала только мама, поэтому прикосновение чужих рук тоже вызвало у неё отвращение. После ванны ей принесли мягкое бельё и одели в красивое длинное платье из тонкой шерсти с красивой вышивкой, переливавшейся всеми цветами радуги. На шею, руки и пальцы надели драгоценные украшения: золотые цепочки, кольца и браслеты с аметистами, ожерелья из жёлтого и чёрного янтаря. Длинные рыжие волосы Бел заплели в косу и, аккуратно уложив, украсили драгоценными камнями. Затем ей дали дощечку из блестящего металла, чтобы она смогла полюбоваться на своё отражение. Бел взглянула и обомлела... «Вот жаль, что мама и сестрёнки не видят всей этой красоты», – подумала она. Воспоминание о доме вызвало новую волну горечи и отчаяния – глаза девочки потухли, и лицо вновь побледнело.

Кроме того, в тяжёлом платье, с такой причёской и многочисленными украшениями разве сможет она теперь бегать по полю, подставляя лицо ветру, или мочить ноги в ручье?

Бел усадили в резное кресло. В комнату вошли жрецы и отвесили ей низкий поклон, а бард, как и обещал Вин, начал слагать в её честь длинную

торжественную балладу. Бел чувствовала, будто её заживо похоронили под всеми этими богатыми одеяниями. Нестерпимо хотелось домой. Драгоценности и богато расшитые наряды, которые приносили ей каждый день, давили на неё, как железный ошейник раба. Голова разламывалась от боли.

Интересно, как чувствовал себя Колл, когда его заковали в тяжёлый железный ошейник? Какой прок теперь от заклинаний или молитв... День тянулся за днём, и каждый из них был наполнен скукой и отчаянием. Скоро Бел даже перестала мечтать о возвращении домой, и жизнь превратилась в непрестанно ноющую боль.

«Никто обо мне не вспомнит, – думала девочка, – никто не поможет. Никто на целом свете».

На душе у неё лежал тяжёлый камень. Есть почти ничего не хотелось.

– Зря вы тратите на меня всю эту хорошую пищу. Отдайте её лучше моим родным, – часто говорила она слугам.

Но это было всё равно, что разговаривать со стеной. Рабыни молча отворачивались от девочки и спокойно и бесшумно уносили блюда с нетронутыми яствами.

«Почему отец не попросит короля послать сюда своих воинов, чтобы они выручили меня?» – удивлялась Бел. Но всякий раз после долгих размышлений приходила к печальному выводу, что такой шаг неизбежно привёл бы к началу войны в долине. Более того, король Коннел, безусловно, понимает, что лишь единицы из самых храбрых его воинов осмелятся бросить вызов власти жрецов.

«Значит, мне суждено умереть», – пришла к умолимому выводу девочка.

С тех пор каждый новый день казался Бел таким же тяжёлым, как и дорогие наряды, в которые её обряжали, а ночью она подолгу ворочалась на мягкой постели, с тоской вспоминая грубую домотканую подстилку на тёплых камнях у родного очага.

Жрецы по-прежнему всячески проявляли заботу о маленькой пленнице и как-то раз даже устроили ей встречу с семьёй. Но от этого ей стало ещё хуже. Сестрёнки с удивлением уставились на неё из-за разделявшей их деревянной перегородки, засунув в рот палец. Они глядели на неё так, как будто Бел уже лежала мёртвая, а потом расплакались. За ними разрыдалась и Бел.

– Заберите меня домой! Помогите! – молила она, хотя и знала, это бесполезно. – Я не могу этого вынести! Лучше бы вы не приходили... Сколько ещё там осталось до этого праздника?

Тут заплакала и мама.

Отец начал загибать пальцы. По его подсчётам выходило ещё шесть недель.

Шесть недель! Целая вечность. Как только они истекут, Бел поведут на смерть.

– Я не вынесу этого! – повторяла она. – Ну почему? Почему всё это должно было случиться со мной?!

Но и на этот вопрос не было ответа.

– Я не хочу умирать, – всхлипывала Бел, а мама по другую сторону перегородки зарыдала ещё громче и безутешней. Отец – большой, сильный мужчина, бывший королевский воин – ходил из угла в угол, крепко сжав свои большие руки, но тут и он был бессилён помочь.

– А король... – начала было Бел, но отец лишь грустно покачал головой.

Королевская семья уже давно исповедовала христианскую веру, но пред жрецами даже сам король Коннел был бессилён.

Лишившись последней надежды, Бел заплакала ещё громче, и жрецы прервали свидание.

Пришёл сам Вин и сурово обратился к Бел, пытаясь её увещевать. Но что бы он ни говорил, всё было напрасно.

– Если ты не перестанешь плакать, ты станешь некрасивой и испортишь своё платье.

– Ну и пусть, – всхлипывала Бел. – Лучше быть последним уродом, чем умереть!

Верховный жрец беспомощно пожал плечами и оставил плачущую девочку.

От страха, бессильной ярости и тоски по дому, а также недоедания и недосыпания, несмотря на все яства и удобства, девочка вскоре слегла. Над больной произносились заклинания, ей приносили самую вкусную пищу и вешали над изголовьем кровати мёртвых кротов – надёжное средство от всех болезней. Но Бел становилось всё хуже. И тогда жрецы, испуганные тем, что «избранная» может умереть ещё до праздника, прибегли к последнему средству – послали за старой Виннаг.

День за днём просиживала Виннаг у постели Бел, смачивая ей лоб свежей холодной водой и напевая старые песни и сказания, чтобы к больной вскоре вернулись силы и здоровье.

– Мать Земля обожала свою крошку Принцессу Хлебное Зёрнышко, дочь Королевы Весны и Золотого Короля Урожая, – нараспев начала Виннаг

новую сказку. – Пляши, пляши, Принцесса Хлебное Зёрнышко! Восстань из земли на свет в своём зелёном одеянии! Но принцесса крепко спала в темноте и не хотела выходить на холод и ветер из тёплого убежища. Тогда Мать Земля шепнула Небесным Сёстрам: «Плачьте, оплакивайте Принцессу Хлебное Зёрнышко, покинувшую наш мир». Сёстры Небесные уронили свои чистые слёзы, и они потекли с неба непрерывным потоком. Принцесса Хлебное Зёрнышко услышала плач и шевельнулась во сне. Почувствовала это Мать Земля и радостно воскликнула: «О царственное Солнце! Веди Принцессу Хлебное Зёрнышко в мир!»

Солнце встрепенулось, расправило золотые лучи, и Принцесса улыбнулась, почувствовав прикосновение его тёплой руки.

– Сёстры Небесные! Красное Солнышко! Стучите в окно Принцессы Хлебное Зёрнышко. Расскажите ей про пустые поля. Пора подниматься! Мир ждёт её весёлого танца, – приказала Мать Земля.

– Кто там? Кто меня зовёт? – спросонок спросила Принцесса.

– Это я, Солнце, – улыбнулось его величество. И мягким, но властным голосом, сказало: – Поля, согретые моими лучами, ждут тебя. Выходи на свет, Принцесса Хлебное Зёрнышко. Пляши по полям!

– Пожалуйста, выходи, – плача взмолились Сёстры Небесные. – Мы ждём тебя, Хлебное Зёрнышко. Надень своё зелёное платье и выходи в мир.

Тогда Принцесса Хлебное Зёрнышко надела своё зелёное платье и протянула руки солнцу и дождю. Они вывели её на свет, поклонились друг

другу и весёлым хороводом заплясали по полям и склонам холмов.

Но лето вызолотило её зелёную одежду и волосы. И Мать Земля поняла, что скоро острые ножи срежут Принцессу Хлебное Зёрнышко и она упадёт на землю...

– Не надо! – вдруг громко сказала Бел, очнувшись от забытья.

Это были первые слова, которые девочка произнесла за все дни болезни.

– Нет, надо! – сурово ответила Виннаг. – Стань же наконец Принцессой Хлебное Зёрнышко, Бел, и мы вместе закончим нашу сказку.

– Я не хочу умирать. Принцесса Хлебное Зёрнышко боится. Ножи острые. Блеск их стали холодит душу, а Мать Земля знает, как прекрасна жизнь у нас в долине...

– Но послушай, Бел. Жизнь в долине может продолжаться только благодаря смерти Принцессы Хлебное Зёрнышко.

– А мне-то какое дело? – резко бросила Бел. – Никакая я не принцесса. И я не хочу умирать. Уходи, Виннаг! Ты тоже не можешь мне помочь...

– Кто знает, – хитро улыбнулась Виннаг. – Послушай-ка тогда другую историю.

Бел лишь пожала плечами в ответ – она уже устала от старухи и её сказок.

– Жила-была одна бедная старая женщина, и на всём белом свете никого у неё не было, кроме маленького телёнка. Хороший был телёночек – рыженький такой, ласковый, и любила она его без памяти. Но пришли жестокие сильные люди и украли её единственное сокровище. С плачем бродила

безутешная женщина по всей долине, но так и не нашла своего любимчика. Некому ей было поведать своё горе, и наконец, совсем измучившись, упала она на нашу добрую землю, которая в своё время успокоит все наши печали. Упала и уснула крепким сном, как спят люди, измученные сильным горем, а когда проснулась, услышала песню. Много песен и немало разных певцов слыхала в своей жизни старая женщина, но никогда прежде не доводилось ей слышать такой голос и такую песню.

– Рассказывай дальше, – попросила Бел.

– Голос у певца был очень сильный. Он стоял босой, воздев голову и руки к небу, и пел.

– Так это Колумба! – воскликнула Бел. – Но он далеко...

– Да, далеко. На зелёном священном острове, слишком маленьком для такого человека, как Колумба, который, по словам людей, сильнее всех королей. Со знатными он строг и требователен, а с бедными терпелив и добр. Да, дорогая моя. Знала бы ты, какой он добрый...

Бел затаила дыхание, а Виннаг продолжала свой рассказ.

– Когда он окончил петь, старая женщина подошла поближе и рассказала ему о своём горе. «Иди домой и будь счастлива, – сказал ей певец... – И по вере твоей будет тебе...» Тут старая женщина задрожала. «Господин, у меня нет веры, – сказала она. – Единственное моё богатство – это маленький рыжий телёнок, которого ты сам однажды благословил своей рукой, пообещав ему надёжную защиту от всякого зла. И вот теперь его нет со мной...»

Бел изумлённо поглядела на Виннаг.

– Я догадываюсь, что значит твоя история. Ведь бедная старая женщина – это ты, правда? Ты что, на самом деле встретила Колумбу?

– Правда. И не успела я вернуться домой после этой встречи, как жрецы из храма прислали за мной гонца. Видишь ли, случается, что и им нужны мои древние знания и моя мудрость. Вот я и пришла. Однако я вижу, рассказ о Колумбе подействовал сильнее моих трав, – закончила она с улыбкой.

Бел тоже улыбнулась в ответ:

– Да, твой рассказ мне очень помог. Только знаешь, я хотела сказать тебе одну вещь... До этого ещё никто в жизни ни разу не называл меня телёнком.

– Что поделаешь, – всё так же добро улыбаясь, сказала Виннаг. – Всё когда-то случается в первый раз.

Бел согласно кивнула, продолжая думать о рассказе Виннаг. Её просто поразило, что старушка так о ней заботилась, и стало ужасно стыдно за свои прошлые подозрения, когда она думала, что Виннаг накликала на неё беду. К тому же Бел вдруг почувствовала угрызения совести ещё и оттого, что среди всех своих страхов и печалей забыла волшебные слова: «И на заре, и в час ночной молюсь: Господь, пребудь со мной!».

– А что сказал Колумба, когда ты напомнила ему о его благословении?

– Он сказал: «Пусть дух мудрости даст тебе веру. Иди домой, и ты обретёшь то маленькое потерянное существо, которое любишь». И вот видишь, так всё и получилось.

– А он не говорил обо мне... ещё чего-нибудь? Например, что придёт и спасёт меня?

– Всё будет по нашей вере, – напомнила ей Виннаг слова Колумбы. – Что мы ещё можем сделать? Я – старая женщина, всю жизнь прожившая в долине. Я не знаю новых молитв и обрядов, но на пути сюда, дорогая моя, встретила мальчика с железным ошейником – раба. Он попросил передать тебе вот это...

Порывшись в складках своей старой дырявой накидки, едва прикрывавшей худое, костлявое тело, она вытащила откуда-то два тонких прутика, связанных в виде креста.

– Он сказал, что тебе известен смысл этого знака, и, как видишь, он сделан из рябины.

– Значит, это был Колл! Точно, Колл. Да, я знаю, что это значит, Виннаг. Это тот самый знак, которым Колумба осенял тех, кого благословлял. Благословляя меня, он тоже сделал в воздухе этот знак и сказал: «Пусть всегда хранит тебя Бог Отец, защищает Бог Сын, а благословение Духа Святого пусть пребудет всегда с тобой и всеми твоими домашними». Колл должен был слышать эти слова, и он послал мне крест, чтобы напомнить о них. А сделан он из рябины, потому что, когда мы в первый раз встретились, Колл срезал мне ветку с цветами рябины. О Виннаг, как я счастлива! Мне было так плохо, но теперь два хороших друга нашли меня. И Колумба тоже об этом знает. Значит, я уже не одна. Скажи, как там Колл?

– По-моему, у него всё нормально, – сказала Виннаг. – Да и тебе, похоже, стало много лучше. Теперь ты должна поесть.

Бел скорчила недовольную гримасу:

– Я не хочу здесь есть, Виннаг. Я хочу домой. Но

после всего того, что ты мне рассказала, я чувствую себя намного лучше.

Девочка бросила взгляд на крест:

– В первую ночь я молилась здесь той молитвой, которую слышала от Колумба, а потом забыла. Вот бы мне поговорить с Коллом.

– Ну, это нетрудно, – сказала Виннаг. – Ведь ты избранная, Принцесса Хлебное Зёрнышко. Поэтому жрецы выполняют любое твоё желание, кроме одного – домой они тебя не отпустят.

Лицо Бел прояснилось:

– Не нужны мне богатые одежды и драгоценности, хотя всё это очень красиво. Не нужны слуги, которые вечно смотрят куда-то в сторону. И все эти баллады и восхваления. Скажи Вину, что раз уж ко мне должны быть приставлены какие-то слуги, то я хочу, чтобы за мной смотрели и ухаживали Виннаг вместе с Коллом. Я хочу, чтобы ты и Колл были со мной весь день. И ещё хочу выходить на улицу и бегать, чтобы ветер, как прежде, обдувал лицо и шевелил волосы. И ещё я бы хотела увидаться с папой, мамой и сёстрами. Только по-настоящему, а не через загородку. Я хочу, чтобы они тоже слышали про Колумбу, – пояснила она, переходя почти на шёпот.

– Ты правильно делаешь, детка, что произносишь это имя шёпотом. На самом деле лучше было бы вообще его здесь не упоминать, – сказала Виннаг. – А теперь всё-таки поешь немного, а я пойду найду Вина и скажу ему, что Принцесса Хлебное Зёрнышко вернулась назад из страны печальных грёз, и теперь они должны выполнять все твои желания.

Старая Виннаг и Колл Железный Ошейник будут верно служить тебе, моя дорогая, хотя жрецам вряд ли понравится, что Принцесса выбрала себе такую странную компанию.

– Пускай думают, что хотят! Вы мои друзья, и мне хорошо с вами. Будь что будет, но, по крайней мере, я знаю, что теперь я не одна.

– Хорошо, – сказала Виннаг, – мы будем с тобой – старая Виннаг и Колл Железный Ошейник... – Потом она немного помедлила и добавила: – и Колумба Всепобеждающая Любовь. Мне уже много лет, Бел. И, как ты знаешь, жестокие завоеватели покорили наш народ железными мечами. Я не питаю симпатии ни к воинам, ни к жрецам. Но три человека, которых я только что назвала, обладают такой властью, которая сильнее власти воинов и жрецов. Эту власть, о которой Вин даже не догадывается, даёт нам любовь наших сердец и Христос, в которого верит кроткий Колумба. Держись за них, дорогая моя девочка, и в хорошие времена, и в минуты испытаний.

– Обещаю тебе, – ответила Бел.

И когда Виннаг заковыляла к выходу, девочка подняла крест из веток рябины к свету и произнесла молитву Колумбы. Только на сей раз немного изменила слова, чтобы сделать её своей собственной, особой молитвой:

Пусть Бог Отец всегда хранит
и Сын в напасти защитит,
А Дух Святой благословит
меня и всех родных.

После этого Бел с аппетитом съела большой кусок белого хлеба с мёдом и стала с нетерпением ждать встречи с Коллом.

МОЁ СПАСЕНИЕ – ХРИСТОС

Ждать пришлось недолго. Вскоре появился Колл и нерешительно остановился в дверях, явно не зная, как его здесь примут.

– Спасибо тебе за крест, Колл, – тепло сказала Бел.

Тогда мальчик с облегчением улыбнулся в ответ, подошёл к принцессе, восседавшей на высоком резном кресле, и стал рядом.

– Ты меня ещё помнишь? – спросил он.

– Я никогда тебя не забывала, Колл. Как же можно? А Вин бил тебя?

– Сам он не бьёт – для этого есть рабы. Теперь они меня часто бьют. Это ужасно. Я много раз думал бежать, только некуда...

– Бедняжка, – тихо сказала Бел.

– Ничего, – вздохнул Колл. – Всё-таки жить можно. Мне помогает Йокдер, один из монахов Колумбы. Мы встречаемся с ним на Мейден-Ринг или где-нибудь тут поблизости или идём к нему в хижину и разговариваем по пути. Иногда он приносит мне хлеб. И ещё рассказывает истории из Священного Писания и объясняет их значение. А как ты живёшь, Бел? Я ужасно расстроился, когда узнал, что они избрали тебя.

– Они собираются меня убить, – сказала Бел, и глаза её наполнились слезами. – Нарядили меня в красивые платья и украсили драгоценностями. Всё

это, конечно, очень красиво, но я в них просто задыхаюсь. Такое ощущение, будто на меня надели железный ошейник. Тебе ведь тоже было больно, когда впервые надели ошейник?

Колл кивнул:

– Мне и сейчас больно. – А потом добавил, понизив голос: – Я рассказал о тебе Йокдеру...

– А Виннаг встретила Колумбу. Но они ничего не смогут сделать со жрецами, Колл. Теперь никто на целом свете не сможет мне помочь.

– Не говори так, Бел. Уж я-то хорошо знаю, что власть жрецов велика, но боги, которым они поклоняются, принадлежат к тёмным и злым силам. Вот почему я и прислал тебе этот крест...

– Виннаг говорит, что он сделан из рябины. Помнишь, я дала тебе цветки рябины на счастье?

– Конечно, помню.

– А это Колумба научил тебя делать крест? – спросила Бел. – Садись и рассказывай всё по порядку!

Колл улыбнулся:

– Всё-таки я лучше постою. Странно, что они вообще позволяют нам разговаривать. Ты ведь знаешь, что никому не разрешается разговаривать с принцессой.

– Конечно, знаю. Они вообще ничего не разрешают... Просто ужас какой-то! Но мы говорили о твоём кресте. Я помню, Колумба как бы нарисовал в воздухе крест, когда молился о маме и просил Бога меня защитить. А что это значит, Колл?

– Колумба делал рукой знак креста, потому что Великий Царь, Господь Иисус Христос, пришёл в этот мир и умер на кресте, – объяснил Колл.

Бел опустила глаза и посмотрела на свой крест.

– Ты знаешь, что я должна умереть, Колл?

– Знаю, – вздохнул мальчик. – Если только...

– Что, если?

– Если только не случится... Пока точно не знаю, что, но я буду молиться за тебя, Бел.

– Ты? Молиться за меня? Помолись, пожалуйста, получше, Колл! Ведь как только взойдёт луна во время праздника Самайн, они отведут меня на Мейден-Ринг и убьют.

– Конечно, Бел, – кивнул он. – Я буду молиться изо всех сил. Ты же дала мне рябину и пожелала мне счастья. А после встречи с тобой я впервые встретил Колумбу... Молитва сильнее всех амулетов и талисманов.

– Как ты его встретил? Расскажи! – попросила Бел.

И Колл начал рассказывать, как после встречи у ручья, возвращаясь в селение жрецов с веточкой рябины, подаренной Бел, он по пути встретил Колумбу и монахов, прогуливавшихся в долине.

– Я не осмелился подойти и заговорить с ними, но Колумба сам догадался о моих мыслях.

– Да, да, и о моей беде он тоже знал, когда увидел меня около реки.

– Это потому, что он молится, – объяснил Колл, – в молитве он может принести Господу беды и чаяния людей. Он мог бы быть богатым и могущественным, но вместо этого по своей воле сделался рабом. Помнишь, он сам так говорил. Я думаю, это тоже даёт ему силу, потому что если ты искренне стремишься умножать славу того, кому служишь, то свои собственные трудности не кажутся такими уж большими.

– Мне кажется, я понимаю, что ты имеешь в виду, – сказала Бел. – А что он говорил тебе тогда?

– Колумба сказал: «Ты носишь ошейник раба и стоишь на коленях перед своим господином, но настанет время, и ты будешь связан обетом любви с самим Царём царей и пойдёшь за ним, куда бы Он ни повелел». А потом он начал молиться, и я почувствовал внутри себя какую-то огромную силу и понял, что она куда больше и могущественнее, чем Вин.

Бел кивнула.

– Виннаг тоже так думает, и я тоже это чувствую, когда произношу молитву, которой научил меня Колумба. Во время молитвы мне становится легко, и я чувствую себя сильной. Сначала, когда я попала сюда, я всё время молилась, но потом забыла молитву. А теперь, после того, как Виннаг принесла мне крест и рассказала, что встретила Колумбу, я снова её вспомнила. Может быть, ещё и не всё потеряно...

– Конечно, главное – не унывать, – подбодрил её Колл.

– До праздника Самайн осталось уже немного...

– Да, где-то около трёх недель.

– Ещё целые три недели! – содрогнулась Бел. – Как я устала ждать! Но и когда время летит, тоже страшно. Не успеешь оглянуться, и всё кончится... Посмотри на небо, Колл. Я так давно не была на воздухе и не видела солнца. А что, если мне сейчас, прямо сейчас, пойти погулять? Нет, не во двор, а по-настоящему. Виннаг говорит, что жрецы не откажут мне ни в чём, только бы я не убежала. Да и куда бежать? Если убегу домой, то от этого всем

станет только хуже. Как бы мне хотелось увидеть папу и маму, и сестрёнок, только я боюсь опять расплакаться.

– Но, может, я приведу их сюда? – спросил Колл. – Мне кажется, тебе надо пойти погулять, Бел, только надень что-нибудь потеплее, сейчас уже не так тепло, как раньше.

Бел надела длинную шерстяную накидку, а Колл так и остался в своей грубой короткой тунике, сказав, что ему и так нехолодно.

Как приятно было гулять на солнышке, подставляя лицо ветру! Но Колл был прав, действительно здорово похолодало. Оказалось, погода переменялась вскоре после того, как Бел привезли в храм.

– Люди говорили, что дождь пошёл потому, что жрецы выбрали принцессу. Но слухи эти передавались только шёпотом, чтобы не рассердить короля. А когда монахи принесли больным лекарства и стали рассказывать о Священном Писании, разговоры и вовсе прекратились. Многие ваши соседи даже крестились... Меня тоже крестили, – сказал Колл.

– Крестили? Это там, в реке? А зачем?

– Это знак того, что мы дети Христа, – объяснил Колл.

– Как бы мне хотелось, чтобы Колумба тоже крестил меня. Ой! Как хорошо на воздухе, Колл! Я уже и забыла, как всё это выглядит, – счастливо улыбнулась Бел, перепрыгивая с кочки на кочку.

Маленькие чёрные телята сгрудились около своих матерей, прикрывавших их своими мясистыми полными боками.

– Ты только посмотри на них, – воскликнула Бел, будто никогда до этого не видела коров. – Ин-

тересно, а они знают о празднике Самайн? Мама говорит, что Вин и другие жрецы верят, что после смерти люди продолжают жить на далёких островах, там, где садится солнце. Вот где должно быть здорово! Никто больше не стареет, и всегда весёлый праздник. Правда, это только для воинов, а не для таких, как я...

– Или я, – ответил Колл. – Я всего лишь раб. Но теперь я не просто раб Вина. Я принадлежу Христу, поэтому в Его Небесном Царстве для меня найдётся место. – Немного подумав, он твёрдо добавил: – И для тебя тоже.

– Даже если мне суждено умереть?

– Конечно, но ты не должна думать о смерти. Колумба говорит, что Иисус умер, чтобы люди, верующие в Него, могли иметь жизнь вечную.

– Ты в этом уверен?

– Конечно, уверен, – ответил Колл. – Помнишь молитву, Бел? То благословение, которое дал тебе Колумба, и песню, которую пели монахи?

– Про трёх Защитников? Конечно, помню. Давай споём её вместе, Колл. А потом нам надо возвращаться назад, пока нас не хватились.

И высоко подняв над собой крест, они громко и уверенно запели молитву, которую слышали у реки:

Есть три Защитника, Они всегда с тобой –

Отец и Сын и Дух Святой.

И на заре, и в час ночной

Молюсь: «Господь, пребудь со мной!»

– Хорошо, что ты пришёл, Колл. Мы поговорили с тобой, и мне уже почти не страшно.

– Ты тоже мне очень помогаешь. Вин приказал своим рабам не бить меня, потому что я служу принцессе.

– Вот и хорошо.

– Когда вернёмся, я схожу навещу твоих. Скажу им, что ты очень хочешь с ними повидаться, – пообещал Колл.

Мама, папа и сёстры пришли к Бел лишь в день праздника Самайн, когда наступил последний день её жизни на земле. Всем хотелось сказать ей что-то самое главное, самое важное, но слова не выходили. Элир, Генанн и Мурин опять уставились на Бел, будто видели её впервые. К горлу подкатил комок, но Бел уже выплакала все слёзы, и глаза её были сухими.

– Сегодня праздник Самайн, – обречённо сказала она. В тишине голос девочки прозвучал гулко и неестественно. – Значит, всё кончено...

В ветвях деревьев прошелестел ветерок. «Наверное, это шёпот мёртвых», – подумала Бел, и от этой мысли её бросило в дрожь, но, взглянув на маму и сестрёнок, она попыталась улыбнуться.

– Колумба очень могущественный, – сказал папа, стараясь придать своему голосу уверенность. – Все в долине слушаются его. Король Коннел стал намного решительнее с тех пор, как в Хай-Форте появился Колумба. Я думаю, Бел, он придёт на праздник Самайн.

– Колл и Виннаг тоже так думают, – сказала она. – Только прошу вас, не надо плохо думать о Виннаг. Она приходила сюда и рассказывала мне чудесные сказки. Она знает так много разных историй... – Девочка едва справилась с душившими её слезами. –

Что бы ни случилось со мной сегодня, я хочу, чтобы вы позаботились о Виннаг, – выдавила Бел.

Мама горько зарыдала:

– Бел, девочка моя, почему всё это должно было случиться с тобой?

– Потому что я задавала много вопросов. Вин сказал мне однажды, что если девочка думает так, как я, это означает, что она избрана богами. А Виннаг говорит, что всё это чепуха. Просто я думаю обо всём на свете. А Колл говорит, что...

– Конечно, ты всегда была у нас самая умная, – перебила мама, – но иногда вредно думать слишком много.

– Но я же не могу себя изменить, – возразила Бел. – А где Деррил?

– Ушёл с мальчиками в Хай-Форт, но он тоже очень переживает за тебя, – сказал отец. – Он хотел прийти сюда и сразиться со жрецами, чтобы спасти тебя, но мальчики считают, что нельзя бороться с богами. Это может принести несчастье.

– Да, это верно, – согласилась Бел. – С ними нельзя сражаться мечами, но Колл молится за меня.

– Мои родители верили в Христа, – сказал отец, – и, когда я вижу, сколько в тебе смелости, Бел, я думаю, что мы поступили неправильно, отступив от новой, истинной веры. Действительно, зря мы вновь обратились к старым богам.

– Я ненавижу их, – тихо, но очень твёрдо сказала мать Бел, на всякий случай дотронувшись до своего костяного амулета. – Как же я скучаю по тебе, Бел, по твоим милым песням и стишкам. Как мне нужна твоя помощь!

– И я тоже тосковала по тебе, мамочка! – Она не смогла справиться с нахлынувшими слезами и, отвернувшись, выбежала из комнаты... Не видя ничего вокруг от слёз, девочка споткнулась и упала...

А когда подняла голову, увидела прямо перед собой в траве чьи-то босые ноги. Сильные руки подхватили её, и Бел услышала знакомый голос:

– Кто это с перепугу бежит, не разбирая дороги?

Бел подняла глаза.

– Ой! – воскликнула она и прижалась к Колумбе. – Я ничего не могла с собой поделать. Я пыталась, но встретила с мамой, папой и сестрёнками... Я больше не боюсь. Правда, я не боюсь, но мне всего десять лет, и... вы ведь поможете мне, правда?

Монах, стоявший рядом с Колумбой, что-то говорил ему. Бел сумела разобрать некоторые слова: «Колл, жертвоприношение, Самайн...»

– Возвращайся в дом, дитя моё, – ласково сказал Колумба. – Затем я и пришёл сюда, чтобы сказать жрецам, что в Дальриаде теперь не осталось места этим старым, жестоким обычаям. Успокойся, голубка моя, нет таких ран на свете, которых не мог бы вылечить Господь наш Иисус Христос. Ни смерть, ни печаль, ни страх не властны над всепобеждающей силой Его любви.

С этими словами он положил руку на голову девочки и благословил её. Бел успокоилась и благодарно посмотрела на Колумбу. Больше в её душе не было страха и тоски. Вместо них в сердце поселилась тихая радость, и девочка спокойно направилась назад.

Встретили её Колл и Виннаг. Папа с мамой уже ушли.

– Я встретила его... – прошептала Бел своим друзьям, но больше не успела сказать ни слова.

Её окружили рабыни, подхватили под руки и увели в комнаты. Там девочку вновь умыли и нарядили в богатые одежды с бесчисленными украшениями.

Красный шар солнца опустился за тёмные вершины гор, и на небе взошла луна... Люди, собравшиеся в селении жрецов, распевали заклинания от злых чар и то и дело прикасались к своим любимым амулетам, но Бел не обращала никакого внимания на царившую вокруг неё суету. А когда наконец пришёл назначенный час, девочка не стала кричать и сопротивляться, а спокойно взяла свой крест из веток рябины и, крепко зажав его в руке, отправилась со жрецами на Мейден-Ринг.

Вот уже перед ними замаячили в сумерках огромные силуэты старых камней. Зажглись факелы. «Наверное, сейчас в Хай-Форте Деррил с друзьями тоже отмечает Самайн, – подумала Бел, – молятся перед изображением креста, вырезанным на камнях, а потом по старинке бросают в воду кольца, чтобы отгадать судьбу...»

Бел попыталась шептать Колумбову молитву, но сердце её так громко билось под покровом расшитой одежды, что слова не выходили. Лишь сухие губы девочки безмолвно шевелились. Вдруг она услышала пение. Голоса поднимались и опускались, как звуки морского прибоя. Они доносились откуда-то из самой середины каменного круга, а в просветах между огромными камнями были видны фигуры певцов, двигавшихся одной непрерывной процессией с горящими факелами в руках.

«Они напоминают мне сказку Виннаг о Суле и Сель, – подумала Бел. – Пока Сула искала куманику, Сель пела, и её песни указывали сестре дорогу. Но потом Сель уснула, и огонь в камине погас. Но эти певцы не заснут, и свет не погаснет, потому что они принесли с собой зажжённые факелы. Как ярко они горят! И от их яркого света на душе тепло. Свет, как смех. Он прогоняет тьму прочь. Но что, интересно, думают об этом Вин и другие жрецы? Как они себя поведут?»

Жрецам ничего не оставалось делать, как в изумлении уставиться на яркие факелы, мелькавшие среди камней и наполнявшие чёрную ночь Самайна весёлым светом.

И всё же после минутного замешательства процессия двинулась дальше. Скоро они подошли достаточно близко к камням, чтобы отчётливо различить слова песни.

«Они поют молитву Колумбы! А вот и сам Колумба. Сколько людей тут собралось! Похоже, вся долина здесь, кроме короля».

По-видимому, Бел была недалеко от истины. Вокруг камней двигалась огромная процессия с факелами, а впереди шёл Колумба, держа высоко в руках деревянный крест. Тут были воины из Хай-Форта, поэты и певцы, королевские придворные со своими слугами и многие жители долины с жёнами и детьми.

«И Колл тоже здесь! А этот человек, рядом с ним, должно быть, его друг – монах Йокдер», – подумала девочка. Колл тоже её увидел и помахал рукой, а Йокдер, взглянув на Бел, поднял вверх правую руку и приветствовал маленькую пленницу.

Бел тоже помахала рукой в ответ. «Теперь мне не страшно, – подумала она. – Теперь вообще никто ничего не боится. Вот и все мои родные пришли, и Деррил вместе с ними». Бел улыбнулась и всем помахала рукой – и родителям, и маленьким сестрёнкам, и Деррилу, который, высоко подняв голову, гордо шёл среди воинов короля.

Пение продолжалось. Звуки молитвы торжественным эхом отдавались среди древних камней. На чёрном небе появились первые звёзды. Казалось, и им захотелось послушать эти чудесные звуки.

«Ничего удивительного, – подумала Бел, – хорошо, что вы выглянули, звёздочки. Выходите все поскорей! Поглядите на нас. В прошлый раз, когда я на вас смотрела, я вспомнила Колумбову молитву, а сегодня её поют уже все жители долины».

Все, кроме Вина и других жрецов. Увидев большое скопление народа, они стали плотней друг к другу, и Бел почувствовала, что на сей раз пришёл и их черёд испытать страх...

«Они никогда не думали, что на стороне Колумбы будет столько народу», – подумала Бел. В этот момент процессия остановилась, и Колумба обратился к жрецам:

– Мир вам!

Тут Вин, похоже, обрёл голос и строго приказал:

– Уходите с дороги! Наши боги требуют жертвы.

– Жертва уже совершилась. Её принёс за всех нас сам Царь царей Иисус Христос, – спокойно сказал Колумба.

В мерцающем свете факела блеснули драгоценные камни на пальцах Вина. Жрец широко раскинул руки, и Бел увидела в его глазах тот самый

отсутствующий, потусторонний взгляд, с которым он объявил девочке о её избранности. «Пытается подчинить Колумбу своей воле», – подумала она.

– В нашей долине нет никакого царя царей, – ответил Вин, а потом ещё громче повторил: – Ты слышишь, никакого царя царей у нас нет.

Но Колумба не обратил ни малейшего внимания на громкие восклицания жреца.

– Царь царей уже принёс жертву, – спокойно повторил он, – а король из Хай-Форта запретил тебе проливать человеческую кровь.

Потустороннее выражение мигом исчезло с лица Вина. Он бессильно уронил руки, но голос его всё ещё был полон презрения:

– Король из Хай-Форта никогда не будет вмешиваться в дела жрецов Мейден-Ринга.

– Ты можешь упираться сколько угодно, – сказал Колумба, – я не стану с тобой спорить, но во имя Всевышнего Царя царей я, его покорный слуга, ещё раз ясно говорю тебе – ты не смеешь убивать эту девочку, которую ты насильно увёл от родителей и держал у себя против её воли.

С этими словами Колумба и его монахи решительно подошли прямо к жрецам, а собравшиеся на Мейден-Ринг люди окружили их плотным кольцом.

– Вы не двинетесь дальше ни шагу, жрецы Круга! – сказал Колумба. – Жертвоприношения не будет!

– Но ведь кровь всё-таки должна пролиться, – едва скрывая охватившее его беспокойство, неуверенно сказал Вин. – Всё лето в долине свирепствовали болезни...

Колумба повернулся к монахам:

– Скажите мне, братья во Христе, есть ли в долине больные?

– Нет, – ответил один из монахов. – Мы трудились всё лето, лечили людей травами и молитвами. И сейчас больных больше уже не осталось.

– Так воспоём же хвалу Господу, нашему Целителю! – воскликнул Колумба, и процессия снова двинулась вокруг камней.

Напрасно Вин и его жрецы пытались выкрикивать какие-то приказы и проклятия. Ни они, ни их рабы ничего не могли поделаться с огромной толпой людей, окруживших Мейден-Ринг. Людская масса колыхалась, неудержимая, как море, и ввысь к ясному ночному небу летела хвалебная песнь Богу, наполнявшая древнюю долину новой музыкой. Бесконечная процессия текла и текла вокруг исполнских камней, а Вин со своими жрецами так и остались стоять, бессильно оглядываясь вокруг, будто сами превратились в камни.

Вот опять Колумба поравнялся с девочкой и на виду у жрецов, спокойно протянув ей руку, сказал:

– Пойдём с нами, Бел.

– Конечно! – с радостью откликнулась она и шагнула вперёд.

Через минуту девочку окружили радостные лица поющих, освещаемые огнём факелов. Вскоре она вообще потеряла жрецов из виду и вместе со всеми неспешно пошла вокруг камней старого храма под торжественные звуки новых гимнов.

«Я СДЕЛАЮ ВОДУ СЛАДКОЙ И ЧИСТОЙ»

Пение и шествие вокруг камней всё продолжалось и продолжалось. В какой-то момент Бел увидела рядом с собой Колла. Мальчик, должно быть, убежал от жрецов и сейчас шёл вместе со всеми, распевая молитву. В другой раз Бел заметила Виннаг, тихо стоявшую в сторонке и с радостью глядевшую на процессию. Потом шествие остановилось, и Колумба начал молиться, высоко воздев руки к звёздному небу.

Из ночной темноты доносились крики сов, но никто не чувствовал страха.

Бел вспомнила, как она молилась камням и просила их, чтобы мама выздоровела.

«Камни глухи и немые, – подумала девочка. – Молитва Колумбы сильнее».

Тут она заметила, что жрецы начали отступать. Когда процессия, сплошной стеной окружившая Мейден-Ринг, преградила им путь к алтарю, они немного постояли, а потом по двое, по трое незаметно разошлись.

Наверное, они всё-таки отправились совершать своё жертвоприношение, и, возможно, уже пролилась кровь какого-нибудь телёнка или оленя, но, главное, Бел была вне опасности.

Девочка повернулась к Коллу:

– Они ушли – значит, опасность миновала. Ты слышишь, Колл, я не умру!

Он кивнул:

– Колумба превратил их в камни.

– Знаешь, я тоже сразу так подумала, – сказала Бел. – Они стояли так неподвижно, будто окаменели. Жрецы совсем не знали, что делать, но не решились прорываться на Круг через толпу, хотя Вин и попытался подчинить Колумбу своей воле. Я видела, как он на него уставился.

– Я тоже, – сказал мальчик и вздрогнул. – Теперь мы оба от него освободились, Бел.

– Оба?

– Да. Я никогда больше не вернусь к жрецам.

– А что же ты будешь делать?

– Попрошу Колумбу принять меня, – ответил Колл.

Заметив, что жрецы ушли, люди теснее окружили Колумбу.

– Возвращайтесь в свои дома с миром, – обратился он к собравшимся. – И помните, нам не нужны больше жертвоприношения и старые храмы, потому что Царь наш Иисус Христос молится за всех людей своему Всевышнему Отцу.

С этими словами он широко раскинул руки, словно хотел обнять всех, кто в тот вечер пришёл на Мейден-Ринг, и запел:

В старых заклинаньях нет нужды,
Ничто меня теперь не испугает –
Господь наш Иисус Христос
Меня своей любовью защищает.

– Держитесь истинной веры, и Господь сохранит вас, как сохранил сегодня эту девочку, – сказал

Колумба людям долины, а потом взял Бел за руку и на глазах у всех подвёл её к родителям.

– Это из любви к вам Бел отправилась на Мейден-Ринг со своим скромным приношением, – сказал он матери Бел. – Пусть её любящее сердце и дальше наставляет и направляет её, а вы больше не бойтесь никакого зла и дурного глаза. – Потом, повернувшись к отцу, Колумба добавил: – Пусть Бел поможет вам вернуться к той хорошей вере, которую вы когда-то знали. А теперь идите спокойно домой и хорошенько выспитесь.

Но Бел на этом не успокоилась... Глядя на него благодарными, восхищенными глазами, девочка попросила:

– Колумба, позаботься, пожалуйста, о Колле. Он убежал от Вина, он больше не хочет быть рабом у жрецов.

Колумба устало кивнул. Чувствовалось, что все эти события его тоже очень утомили – лицо заострилось, а плечи ссутулились чуть больше обычного, будто на них лежала тяжёлая ноша...

– Да, работа продолжается, и конца ей не видно, – задумчиво сказал он, а потом ласково улыбнулся: – Не бойся, Бел, Колл уже стал слугой Христа, значит, он вне опасности.

Бел поблагодарила Колумбу, а родители попытались дать ему какой-нибудь подарок из числа тех дорогих вещей, которые в своё время принесли им жрецы, но Колумба наотрез отказался.

– Оставьте себе то, в чём имеете нужду, – сказал он, – а остальное раздайте бедным.

И это несмотря на то, что сам Колумба питался очень скудно и спал на голой земле, подкладывая

под голову камень вместо подушки. Его единственным достоянием была Библия, Священная Книга христиан, которую Колумба когда-то переписал своей собственной рукой.

Еле волоча ноги от усталости, Бел вместе с родителями двинулась в обратный путь к родному очагу. Уснувшую Генанн отец нёс на руках, мама тащила за собой Мурин. Деррил и Бел совместными усилиями вели за руки маленькую Элир. Дома их встретила собака Деррила по кличке Свифт. Она уже совсем выросла и с весёлым визгом, помахивая хвостом, выбежала навстречу. Пёс сразу узнал Бел и с радостным лаем бросился к девочке. Потом младших детей уложили спать, и папа сказал:

– Когда я был маленький, моя мама и утром, и вечером молилась, призывая благословение на наш дом и очаг. Помните, как Колумба сказал, что и нам следовало бы делать то же самое?

Услышав такие слова, Бел очень обрадовалась и запела молитву, которая поддерживала и укрепляла её вдали от дома, а папа, мама и Деррил ей подтягивали:

Есть три Защитника, они всегда с тобой –
Отец и Сын и Дух Святой.
И на заре, и в час ночной
Молюсь: «Господь, пребудь со мной!»

В ту ночь Бел мирно спала у родного очага в полной безопасности и покое, свободная от страха и печали, а в это время в маленькой хижине из ивовых прутьев Колумба со своими монахами творили ночные молитвы. Вместе с ними был и Колл. Маль-

чик тоже молился, зная, что на следующий день Колумба собирается отправиться к Вину, чтобы упросить его отпустить Колла на свободу.

Когда Бел в следующий раз встретила Колла, на нём была всё та же накидка из грубой некрашеной шерсти, но железного ошейника на шее уже не было. Правда, она не могла расспросить его, как же всё устроилось, поскольку встретились они во время очень важного служения, в котором Бел тоже принимала участие. Все они собрались у ручья. Стоял конец сентября, с рябин уже облетели листья, и солнце, хотя и светило довольно ярко, уже почти не грело.

Бел и вся её семья надели свою лучшую одежду, потому что сегодня Колумба должен был их крестить. После того, что произошло на Мейден-Ринг, люди уже не боялись приходить к Колумбе, и поэтому сегодня у ручья собралось немало жителей долины в своих самых лучших одеждах. Пришли воины из Хай-Форта и даже кто-то из принцев, чтобы показать, какое значение придаёт король Коннел новой вере, положившей конец жертвоприношениям.

– Мы сохраним наши праздники, – сказал король, – но будем отмечать их молитвой и песнопениями, как учит нас Колумба.

Поскольку наступила поздняя осень и ручей был уже холодный, Колумба набрал лишь немного воды в серебряный кувшин. Прежде чем побрызгать водой на голову мужчин, женщин и детей, крестившихся в этот холодный осенний день, он согрел сосуд теплом своих рук.

Когда наступила очередь Бел, она стояла перед

Колумбой очень спокойная, стараясь не смахнуть ни капли воды, стекавшей со лба на глаза и губы. Бел слизывала капли своей любимой родниковой воды, шептала молитвы и пела вместе со всеми. Вдруг ей вспомнились два старых вопроса: «Почему вода в ручье сладкая?» и «Почему в долине так много смерти?»

До сих пор она не получила на них ответа, но зато сама успела побывать в двух шагах от смерти.

– Сам Царь царей уже принёс жертву, – сказал тогда Колумба. Бел вспомнила эти слова. Вспомнила она и Колла во время крещения – он стоял спокойный и радостный, будто ничто его уже не стесняло и не мучило, даже тяжёлый железный ошейник. «А сейчас на нём нет ошейника, – подумала Бел, – значит, Колумба спас его от рук Вина».

Обряд закончился, и Бел вернулась к родителям.

– Зло больше ничего не значит, – шепнула она на ухо маме.

Та покачала головой:

– Я думаю, значит, но молитва сильнее. Теперь я это знаю, потому что моя дочь стоит со мною целая и невредимая. Хотя малыш всё-таки умер...

Бел кивнула. «Но если бы малыш не умер, – подумала она, – я бы никогда не отправилась молиться на Мейден-Ринг». Где-то в глубине души девочка чувствовала, что её безымянный брат, который умер, ещё не успев родиться, тоже сыграл свою роль, тоже повлиял на развитие событий и в её собственной жизни, и в жизни многих других людей. Она чувствовала, что за всем этим кроется какой-то глубокий смысл, о котором ей дано было лишь догадываться.

С гор дул сильный промозглый ветер. Бел вздрогнула от холода и краем глаза заметила стоявшую чуть поодаль Виннаг, с удовольствием отметив, что старушка надёжно укуталась в тёплую накидку, которую мама сшила из материи, подаренной жрецами.

«Хорошо, что Виннаг здесь, – подумала Бел. – Надо будет потом обязательно к ней подойти».

Но сразу сделать это ей не удалось, потому что Колумба вновь начал говорить.

– Почему мы крестимся обычной водой, чистой, прозрачной и сладкой водой, которую мы пьём с вами каждый Божий день? – спросил он у собравшихся. – А потому, что так заповедал Иисус Христос. Воду эту сотворил наш Отец Небесный, чтобы мы не испытывали жажды. «Я сделаю воду сладкой и чистой, – сказал добрый и премудрый Господь, – чтобы жизнь на земле была здоровой и чистой». Вот сколь велика любовь нашего Божественного Отца, и всё, что Он сотворил, – хорошо. Поэтому мы должны пользоваться хорошими вещами, сотворёнными Богом из любви к людям, и пить не вино, распалённое в человеке нечистые страсти и мечтания, а Его чистую сладкую воду. За такой водой ходила к колодцу Мать Божия Мария, а помогал ей сам отрок Иисус, никогда не смотревший свысока на эту простую, но необходимую работу и выполнявший её с кроткой радостью.

– А теперь, – с улыбкой продолжал Колумба, – послушайте внимательно и постарайтесь понять. Как вы думаете, что было бы, если бы семена не падали в землю и не давали ростки?

– Тогда осенью, когда подходит время убирать

урожай, у нас не было бы ни пшеницы, ни ячменя, — отозвался чей-то голос из толпы, а все остальные согласно закивали головами.

— И у нас совсем не было бы хлеба, — добавила Виннаг.

К тому времени старушка протиснулась поближе и стала совсем рядом с Колумбой, чтобы не упустить ни слова из того, что он говорил.

— И всем пришлось бы голодать, — закончил Колумба. — Так вот, наше сердце и наша свободная воля, которые и делают нас людьми, подобны семенам. И эти семена должны упасть на ниву Христову и возрасть во Христе, чтобы в жизнь нашу вошёл Спаситель рода человеческого — Иисус. Это великая тайна, но я хорошо постиг её, когда, покинув родину, отправился в дальние странствования через холодное и бурное море. Теперь я здесь, чтобы сказать вам: «Когда креститесь, говорите себе, что входите в жизнь вечную, потому что принадлежите Христу и больше никому». Это говорю вам я — человек, который прежде ходил в походы с большими армиями и убивал королей. Но теперь жизнь моя в руках одного повелителя — Царя царей Иисуса Христа.

— Ты поняла, что он сказал? — прошептала Виннаг, подтолкнув Бел.

— Не совсем.

— Он говорит, что вода сладкая, потому что Бог, который её сотворил, хороший и добрый. И ещё он сказал, как и я тебе уже говорила, что Принцесса Хлебное Зёрнышко должна умереть, чтобы прокормить землю.

— Только для Колумбы это Христос, а не Прин-

цесса Хлебное Зёрнышко, – напомнила Бел старушке. – И для меня тоже.

– Я знаю, дорогая моя, и очень рада, потому что именно Христос Колумбы спас тебя от смерти на Мейден-Ринг.

– А ты собираешься креститься, Виннаг? – спросила Бел.

Старая женщина покачала головой.

– Нет, дорогуша, мне уже поздно менять свою веру. Я слишком стара для этого. Но ты всё равно молись своему чудесному Христу за бедную Виннаг.

Бел кивнула. В душе её была такая радость и счастье, что хотелось петь вместе со всеми жителями долины. Петь от того, что Колумба, некогда бывший грозным воином, покинул родину и приехал в Дальриаду; от того, что на Колле не было больше грубого железного ошейника, а мама уже не боялась несчастий и дурного глаза или, по крайней мере, знала, что от них можно защититься. Девочке хотелось петь, потому что она осталась в живых и стояла сейчас у журчащего ручья вместе с папой, мамой и сёстрами, и волосы её шевелил ветер. А когда церемония закончится, она, как и раньше, сможет побежать в горы, где живут её любимые олени.

Бел вдохновенно пела хвалу Господу у быстрого, прозрачного ручья, и вместе с ней пели все её родные, и Колумба с монахами, и Колл, и соседи по долине. После крещения в Хай-Форте был устроен праздничный пир, на котором Колумба сидел рядом с королём Коннелом.

Так что в этот день у Бел не осталось времени

бегать по горам. Пока до праздничного ужина оставалось ещё немного времени, Бел вместе с Коллом решили прогуляться по крепостной стене замка. Во время прогулки он стал рассказывать девочке историю своей жизни.

– У меня никого нет, – начал Колл, – ни папы, ни мамы. Мама умерла сразу после того, как я родился, а отец однажды зимой отправился ловить рыбу и утонул. Жил я у родственников, которые подыскали мне приёмного отца, но он был так беден, что в семь лет отдал меня в рабство жрецам в обмен на мешок ячменя, чтобы прокормить свою семью.

– И что ты тогда чувствовал? – спросила Бел.

– Ничего хорошего, конечно. Мне было очень плохо, но поделиться было не с кем. Никто никогда не интересовался тем, что я чувствую, пока в один прекрасный день добрая девочка не прикоснулась к моему железному ошейнику. Она заметила шрамы и спросила, не больно ли мне.

– А больше никто не спрашивал? – удивилась Бел.

– А кому там было спрашивать или даже замечать. Никто ни на что не обращал внимания, поэтому я никогда не забуду твой вопрос, Бел. Я думаю, что это вообще самое главное в жизни.

– Что «это»?

– Спросить человека, которому плохо, как он себя чувствует, не больно ли ему. А когда на шее железный ошейник, тебе едва ли может быть хорошо, – задумчиво добавил мальчик.

– Но теперь, слава Богу, на тебе нет железного ошейника, – сказала Бел. – А шея ещё болит, Колл? Посмотри-ка, сколько шрамов у тебя осталось!

Он потрогал шею.

– Теперь у меня ничего не болит, а это пустяки – со временем они исчезнут.

– Хорошо, – улыбнувшись, сказала Бел. – Кстати, я тебя забыла спросить, как же тебе всё-таки удалось выйти на волю? Колумба тебя выкупил у Вина или как? Ведь у него нет золота и других дорогих вещей, правда?

Колл покачал головой:

– Я не знаю, как ему это удалось. Думаю, тут главное – молитва и строгий пост. Он перед тем, как идти к Вину, совсем отказался от пищи, по крайней мере, так рассказывал Йокдер. Со злом они борются молитвой и постом. Больше никакого оружия нет. Теперь я их слуга. Помогаю готовить пищу, а один из братьев учит меня читать. А когда мы отправимся на остров, он меня научит и писать, и тогда я смогу переписывать священные книги.

– А мне больше нравится слушать, когда кто-нибудь рассказывает, – сказала Бел. – Даже не знаю, смогу ли я вообще научиться читать и писать.

– Но это очень важно – уметь читать. Тогда тебе не придётся зависеть от других людей и рассчитывать на то, что они всё тебе расскажут и объяснят. Ты сможешь сама находить в книгах ответы на свои вопросы.

– Мама говорит, что я задаю слишком много вопросов, – пожаловалась Бел. – Она говорит, что это не всегда разумно.

– Но ведь именно твои вопросы привели тебя к ручью за цветами рябины, так ведь? – напомнил ей Колл. – Мне об этом рассказала Виннаг, когда мы за тобой ухаживали у жрецов. Так что видишь, если

бы ты не задавала вопросов, мы бы никогда не встретились. Поэтому не бойся, Бел, и никогда не переставай задавать вопросы.

– Не перестану. Так уж я устроена, – сказала Бел и, вздохнув, добавила: – Я с этим ничего не могу поделать, даже если чувствую какую-то опасность... А ты, значит, отправляешься с Колумбой на остров? Я очень рада за тебя, но буду по тебе скучать, Колл.

– Я тоже. Но я ещё пока никуда не уезжаю, по крайней мере, до весны.

– А что ты ещё будешь делать, кроме переписывания священных книг?

– Молиться и воспевать хвалу Господу. А ещё помогать людям, которые приезжают на остров. А больше не знаю. Может, когда-нибудь отправлюсь путешествовать, как Колумба...

– А я останусь в долине. Мне здесь нравится. Я ведь родом из этих мест, как и Виннаг. Поэтому мне, наверное, и не хотелось бы жить в другом месте, – Бел чуть перегнулась через край стены и показала на простирившуюся внизу долину: – Гляди, Колл. Видишь, как далеко видно отсюда. Но ведь ты уедешь ещё дальше?

– А ты останешься здесь. Посмотри-ка, видно отсюда ваш дом? – спросил Колл.

– Нет, это далеко. Где-то за теми холмами, – показала Бел. – Но, знаешь, останемся мы или уедем, главное, что здесь, в долине, с нами обоими произошло что-то очень важное. Такое, что мы никогда не забудем.

Колл согласно кивнул...

– Пошли скорей! – спохватилась Бел. – А то пропустим весь пир в большом зале.

– И праздник, – добавил Колл, последовав за Бел в королевский зал. – Ведь сегодня действительно очень важный день, и нам надо отметить твоё крещение.

«И не только это», – подумала Бел, но вслух ничего не сказала, побоявшись, что Колл сочтёт её глупой, если она скажет, что надо бы отпраздновать, что вода сладкая даже в ноябре, а жизнь в долине, где течёт ручей и живут олени, прекрасна и удивительна.

9

«ПЕСНЯ ЖАВОРОНКА И ДОБРАЯ СКАЗКА»

На следующий день на долину обрушился злой, холодный ветер, срывавший жёлтые листья с потемневших от дождя деревьев. Многие жители долины, простудившись, кашляли и чихали. Никто без крайней необходимости не выходил из дому, а тем, кто всё-таки отваживался пуститься в путь, приходилось буквально сгибаться в три погибели под сильными порывами ветра, и все путники, конечно, старались поскорее добраться до тёплого жилища.

Лишь Бел, любившей бурную, ненастную погоду, не сиделось дома. Вот и сейчас она решила сбежать на свой любимый холм, где часто попадались пугливые олени. Дикий ветер вскидывал пряди рыжих волос и бросал ей в лицо. Бел со смехом откидывала их назад и бежала дальше. В лесу слышалась какая-то дикая музыка из шорохов, свиста и треска сухих веток, ломающихся под резкими порывами ветра. Наконец, добравшись до своего любимого места на вершине холма, она остановилась, чтобы перевести дыхание, и огляделась. Вдали серо, стальной полоской блеснуло море...

«Скоро Колл отправится на остров к Колумбе», — подумала девочка и стала мысленно представлять себе, как же он там будет жить. Наверное, это будет очень хорошая, святая жизнь, в которой царит мо-

литва и покой, дарованный любовью, Божественной любовью. Но, конечно, будут в ней и трудности, и битвы, в которых он, как и Колумба, будет сражаться без меча и копья, – битвы со старыми богами и тёмными силами, ну и, конечно, борьба в своей собственной душе со своими слабостями и искушениями.

Бел помолилась за своего друга, и порывы ветра подхватили слова её молитвы: «Господи, храни Колла...»

Короткий осенний день клонился к закату. Немного прояснилось, и из-за туч начали пробиваться последние лучи заходящего солнца, окрасившие верхушки облаков на западе в багрово-жёлтые тона. Но ветер не утихал. Бел повернула домой, решив по дороге завернуть к Виннаг.

Очередной порыв ветра чуть не поднял девочку в воздух. Бел встряхнула головой, протёрла глаза и вдруг увидела, что дом Виннаг стоит без крыши. Должно быть, её снес особенно сильный порыв ветра.

Бел остановилась, как вкопанная, и подумала: «Интересно, сколько же Виннаг пришлось жить без крыши над головой?»

Девочка бросилась бегом к бедной хижине и стала звать Виннаг, но слова её тонули в шуме ветра.

– Виннаг, ты слышишь меня? Вин-на-аг! – звала Бел, сложив руки рупором, но в ответ раздавалось лишь завывание ветра. В разрушенной хижине не видно было никаких признаков жизни.

Огонь в очаге давно потух, хотя старый котелок по-прежнему раскачивался на деревянном шесте.

Бел подняла голову и посмотрела вверх. Прямо у неё над головой, где когда-то была крыша, на фоне темнеющего неба мерцали первые звёзды. За ближайшим холмом заухала сова. Бел вздрогнула. «Совам хорошо в темноте при свете звёзд, – подумала она, – а людям ночью нужен кров». Осталось надеяться, что Виннаг где-то нашла приют и ей не придётся ночевать под открытым небом.

«Пойду-ка я лучше домой, а то мои будут беспокоиться», – подумала Бел. Но не успела она сделать и несколько шагов, как увидела Деррила, который отправился её разыскивать с факелом из сосновых веток. Он шёл, держа факел высоко над головой, а рядом бежала его любимая собака Свифт.

– Так я и думал, что ты здесь, – весело сказал Деррил, а Свифт бросился к Бел, счастливо виляя хвостом.

– Я искала Виннаг, – начала объяснять Бел, поглаживая Свифта, – её хижина почти совсем разрушена, ветер сорвал крышу. А самой Виннаг нигде не видно. Надеюсь, что с ней ничего не случилось.

– С Виннаг всё в порядке, – сказал Деррил. – Пошли скорей домой! Она сидит у нашего очага.

– Виннаг? У нашего очага?!

– Да. Мама сварила ячменный суп...

Бел нетерпеливо помотала головой.

– Про суп я знаю. Я сама резала для него овощи.

– Так вот. Она сварила большой горшок супа. Посмотрела и сказала, что сами мы, наверное, всё не съедим. И тогда, по-моему, Элир вспомнила, что Колумба советовал нам делиться лишними вещами с соседями, особенно с бедными. Тут мы и подумали про Виннаг. Ты убежала, поэтому пришлось мне

отправиться к ней с супом. Я пришёл, увидел, что крышу снесло, и позвал Виннаг к нам.

– И она согласилась?

– Не сразу. Уговорить её было совсем не просто, но потом она всё-таки поняла, что нельзя спать в доме без крыши.

Вскоре брат с сестрой подошли к дому. Надо сказать, что в первый момент Бел даже почувствовала некоторую неловкость, увидев Виннаг в непривычной обстановке.

– А вот и наша гулена, – сказала старушка, удобно устроившаяся у очага. – Темнота – хороший пастух. Она быстро загоняет и детишек, и птичек, и зверей в свои тёплые норки.

Виннаг говорила, а её узловатые пальцы при этом двигались как бы сами по себе, продолжая ловко щипать шерсть и прядь из неё нитку. Сама Бел просто ненавидела эту монотонную работу...

– А я была у твоего дома, искала тебя, – стала объяснять девочка.

Виннаг улыбнулась:

– Это очень хорошо с твоей стороны, добрая ты душа...

Тут и мама подняла голову от котелка с супом:

– Виннаг погостит у нас, пока мы не сделаем ей новую крышу. Хотя что это за гостья?! Только пришла – сразу же уселась за работу, да ещё и сказки успевает рассказывать. Откуда ты знаешь так много сказок, Виннаг?

– Я старая и бедная. Своей семьи у меня нет. Вот я и сплетаю слова, чтобы скоротать время. Но слова не смогли согреть и уберечь меня от зимних ветров. Ведь слова тоже бедные, – грустно ответила она.

Бел потихоньку осмелела...

– А мне кажется, что слова чудесны, – перебила она старушку. – Конечно, если ими правильно пользоваться.

– Что значит – правильно пользоваться? – хитро улыбнувшись, спросила Виннаг, продолжая щипать шерсть и плести нитку, постепенно скатывая её в клубок.

– Ну, складывать из них разные истории, наподобие твоих, или молитву, как это делает Колумба. – Бел присела рядом с Виннаг и стала играть с клочками пушистой шерсти. – Колл собирается учиться писать слова. Они останутся на пергаменте и будут лежать в темнице под тяжёлым кожаным переплётом. Честно говоря, мне не очень нравится, что со словами так поступают.

Элир, с интересом слушавшая их беседу, спросила:

– А почему не нравится, Бел?

– Ещё одна почемучка появилась! – вздохнула мама. – Смотри, Бел, с твоими разговорами вырастет у нас второе горе луковое...

– Мне кажется, словам нужна свобода, простор, как камням, которые обдувает ветер, – сказала Бел. – Вот песни, к примеру... Они свободны, а когда слова выстраиваются в строчку на странице, их звука не слышно. Но Колл говорит, что если умешь читать, то не придётся спрашивать у других людей ответы на свои вопросы. Тогда ты сам можешь отыскать их в книгах.

– Сначала пришли воины и железными саблями разрушили наши традиции, – сурово сказала Виннаг, – а теперь явились босые монахи со своими

перьями и чернилами. Хотя кто их знает... Может быть, в один прекрасный день Колумба нам расскажет, для чего он тратит столько времени на то, чтобы выводить пером слова на пергаменте. Но одно я знаю наверняка. Никогда нельзя переделать то, что уже сделано, или остановиться на полпути, когда дело уже начато. Мой народ на собственном опыте познал эту горькую истину, когда нам пришлось прятаться в горных расщелинах от железных мечей незваных гостей.

Бел с беспокойством поглядела на маму, наверняка зная, что слова Виннаг ей не понравятся. Но мама, по-видимому, не обратила на них никакого внимания. Она хлопотала у очага, разливая по мискам суп большим костяным половником, и, как ни в чём не бывало, сказала:

– Давайте-ка есть! Все давно проголодались...

Но тут с другой стороны очага раздался голос отца:

– Виннаг, ты пришла в наш дом по нашему приглашению. Конечно, нам не стоит себя расхваливать, потому что негоже отказывать в приюте тому, кто в нём нуждается, будь то друг или чужой...

– Нет, неправда, – перебила Виннаг. – Вам есть за что себя похвалить. Однако я, Виннаг, живу в этой долине очень давно, и поэтому чужой-то меня никак не назовёшь, хотя, с другой стороны, я не являюсь и вашим другом, потому что ваш народ покорил мой народ, и мы никогда друг друга не любили.

Возможно, Виннаг ничего плохого в виду не имела, а просто хотела поблагодарить семью Бел за гостеприимство. Ведь раньше они никогда не доверяли соплеменникам Виннаг и не проявляли к ним

никакого внимания. Сразу же после этих слов в доме воцарилось неловкое молчание, и Бел почувствовала, что атмосфера накаляется.

«И зачем это Виннаг понадобилось напоминать об этих старых обидах, – подумала девочка. – Она же раз сказала мне, что между нами нет вражды». Взрослые вполне могут дружить с ребёнком из чужого племени и при этом продолжать ссориться с родителями этого ребёнка. Причём ссоры эти куда хуже, чем у детей, которые могут обидеться или даже подраться, но скоро вновь становятся друзьями. Отец Бел с недовольным лицом отвернулся от Виннаг, а мама, уже протягивавшая старушке миску с супом, вдруг остановилась и посмотрела на неё холодными глазами.

«Ну почему они друг друга не понимают?! – подумала Бел. – Зачем ссориться, возводить между нами всякие перегородки? Ведь Виннаг приветливо встретила меня в своей хижине. Она назвала меня Королевой Лето и рассказала мне историю о бедной одинокой женщине, у которой жестокие люди украли её единственное сокровище – маленького телёночка».

И всё же Бел чувствовала, вмешайся она сейчас и начни рассказывать родителям, как Виннаг ухаживала за ней у жрецов и вернула её к жизни из почти безнадежного состояния тоски и страха, будет только хуже.

– Этим людям нельзя верить, – возбуждённо заговорила мама, забыв про суп. – Они при первой возможности продадут тебя за тридцать сребреников. Да что там сребреников – продадут за тридцать стеклянных бусин!

Виннаг тоже не осталась в долгу:

– Лучше питаться похлёбкой из крапивы под открытым небом, чем есть мясо в тёплом доме, где тебя ненавидят.

Воцарилась жуткая тишина. Обидные слова были брошены и достигли цели. Началось всё с воспоминаний Виннаг, но мама не сдержалась и сказала ей такие слова, которые пронзили сердце Бел, как те железные мечи, которыми когда-то покорили племя Виннаг.

«Я не могу этого вынести», – подумала она, глядя, как старая женщина с трудом поднимается на ноги. Но мама не унималась:

– Всё началось с Бел. Она ведь к тебе ходила, только мне ничего не говорила. Но я-то обо всём догадывалась, когда дочка стала приносить домой всякие поговорки, истории... От этого и пошли наши несчастья. Мой мальчик умер... Это ты его убила, старуха!

После этих ужасных слов Бел показалось, что всё вообще обрушилось. Казалось, не было светлых песен всепрощения и любви во время их крещения, не было мудрых слов Колумбы о том, что все люди, как пшеничные зёрна, должны умереть, чтобы возродиться, не было слов о вечной жизни в райском саду, куда им уже приоткрылись ворота... Там на ветру, на вершине холма, Бел молилась о Колле. Но почему тогда же она не догадалась помолиться и о своих родных, и о Виннаг, чьё сморщенное лицо сейчас было искажено злобой и обидой?

– Железные мечи и обидные слова ранили и убивали мой народ, – зловеще промолвила она, – но у нас тоже есть свои слова – слова благословения и слова проклятия...

«Она собирается нас проклясть, – промелькнуло в голове Бел, – а потом уйдёт в ночь и непогоду, совсем одна, без ужина и крыши над головой».

– Виннаг! – взмолилась девочка. Душа её кричала, голова разрывалась от боли и отчаяния, но с сухих губ слетел лишь еле слышный шёпот.

И всё же Виннаг услышала её и медленно обернулась...

– Успокойся, Бел, – сказала мама, а потом повторила, – мой мальчик умер... Уходи, старуха!

За окном выл ветер, шумели деревья, а издали доносился вой волков. Свифт, лежавший у огня, беспокойно приподнял уши и зарычал.

«В нашем доме царят страх и ненависть, а это хуже волков», – подумала Бел и взмолилась про себя: «Господи Иисусе! Изгони зло из наших сердец!»

Огонь в очаге ярко вспыхнул. Потянуло вкусным запахом супа. Свифт улёгся на своё место и заснул.

– Я хочу есть, – сказала Мурин.

Две другие сестрёнки хором подхватили:

– И мы тоже!

«И я бы не отказалась от ужина, – подумала Бел, – только я не хочу есть, когда вокруг такая ненависть. Когда взрослые ссорятся, дети, увы, ничего не могут сделать».

Бессильна здесь даже избранная Бел, Принцесса Хлебное Зёрнышко...

Девочка сидела и беспомощно глядела, как Виннаг поднялась и медленно заковыляла к двери.

И тут какая-то сила подняла Бел на ноги, и она стремглав бросилась за Виннаг. Пусть родители думают, что это глупо, пусть даже накажут или выго-

нят из дома, но она не даст Виннаг просто так уйти в холодную черноту зимней ночи.

– Не уходи, прошу тебя! – взмолилась она. – Мы не хотим, чтобы ты уходила. Ты наш друг!

– Твой друг, Бел, но не твоих родителей, – обиженно пробормотала Виннаг.

– Нет, и родителей тоже, – твёрдо сказала Бел и решительно повернулась к отцу с матерью: – Разве вы забыли праздник Самайн? Помните, как я просила вас не оставлять Виннаг, потому что она заботилась обо мне, когда я, оставленная всеми, лежала больная в храме жрецов?

Те молча посмотрели друг на друга. Сквозь порывы ветра было слышно, как по крыше забарабанили крупные капли дождя.

Наконец отец Бел тихо сказал:

– В такую погоду не годится идти на улицу. Мы погорячились и зря наговорили друг другу много обидного. Не стоит поминать старое, когда в долину пришла новая вера – вера любви и мира... Прости нас, Виннаг! Прости, если можешь, и будь гостьей у нашего очага.

На глазах у Виннаг навернулись слёзы.

– Никогда не думала, – сказала она, – что наступит такое время, когда воин королевской армии скажет мне ласковые слова. Вера, основанная на прощении, крепче стальных мечей и сильнее обидных слов.

Старушка позволила отцу Бел взять себя под руку и вновь усадить у огня, а мама протянула ей миску горячего, аппетитно дымящегося супа.

Весь вечер в доме Бел не смолкали смех, весёлые разговоры и пение, заглушавшие шум дождя и

ветра, и вой волков в соседнем лесу. Виннаг стала рассказывать свои истории. Элир и Генанн слушали её с широко раскрытыми глазами, Мурин, прикорнув на коленях у мамы, тихо уснула, а Бел наливала и подавала всем вкусный яблочный компот с мёдом.

Когда вечер подошёл к концу, Виннаг сказала:

– В конце концов всё, что ни делается, делается к лучшему. Наверное, хорошо, что мы высказали друг другу все старые обиды. А то бы они так и тлели где-то в глубине, вызывая ещё больше боли и недоверия. А теперь послушайте... Как-то раз я пообещала нашей доброй и храброй Бел рассказать, как и почему пошла молва, что в моём народе течёт колдовская кровь. Теперь, похоже, настал подходящий момент выяснить всё до конца, чтобы между нами не осталось никакого недопонимания.

– Расскажи, Виннаг, – сказала мама, – и будем укладываться...

– Я недолго, – пообещала Виннаг, – действительно, уже поздно, и всем давно пора спать. Так вот, слушайте... Один народ может покорить другой народ с помощью оружия и храбрых воинов. Так случилось и с моими предками. Но уничтожить веру, традиции, песни и язык, которые мы впитываем с молоком матери, куда труднее, чем убить человека. Сказание помнят ещё долго после того, как навсегда замолкли уста рассказчика. А когда исчезают и сами сказания, остаётся память о них. Слухи о колдовских силах моего народа – лишь слабый отзвук утраченных преданий. Сейчас я уже не смогу вам точно сказать, правда это или нет, но одно я знаю наверняка – в любой хорошей истории всегда

есть доля истины. Никто не знает смысла древних знаков, вырезанных на камнях, которые стоят большими и малыми кругами по всей нашей долине, но если внимательно вслушаться в отзвуки былых преданий, можно кое-что узнать о забытой жизни и вере прежних жителей долины. Бел оказалась внимательной девочкой и теперь обладает знанием, которое дано не каждому. Она внимательно слушала не только старую Виннаг, но и Колумбу, благородного рыцаря из Ирландии с сердцем воина и именем голубя, поэтому теперь я буду называть её Бел Чистая Любовь... И всё же для меня она навсегда останется и Принцессой Хлебное Зёрнышко, которая танцует по полям между острых ножей ненависти и страха, чтобы примирить своих родных и усталую старую женщину. Ради Бел, ради её любящего сердца Виннаг желает её семье добра.

С этими словами она встала и двинулась вокруг очага, благословляя всех обитателей жилища, где она нашла приют в холодную зимнюю ночь.

– Как я иду вслед за солнцем, – торжественно говорила Виннаг, – так мир и радость пусть всегда следуют за вами.

Может быть, это была лишь игра света, но в бликах тусклого огня ламп, заправленных тюленьим жиром, и отблесков огня в очаге фигура Виннаг казалась выше и прямее. Старая женщина двигалась с поистине королевским достоинством, и её развевающиеся лохмотья казались великолепной мантией. Даже клочковатые седые волосы уже не казались такими редкими, а лицо как бы помолодело, и каждое слово, произнесённое Виннаг, несло чарующий отзвук волшебной флейты.

– Пусть будет долгим ваш путь в нашей прекрасной долине, пусть он ведёт вас туда, где звучат песня жаворонка и добрая сказка, – сказала она, улыбаясь Бел.

– Правда, Виннаг, – улыбнулась в ответ девочка. – Все мы – часть этой доброй сказки и вместе идём по пути, который в конце концов приведёт нас в Царство Света, где всегда поют жаворонки, славя нашего Небесного Отца.

Потом, вспоминая этот вечер, Бел так и не могла точно сказать, действительно ли она произнесла эти слова или они ей просто приснились, когда после благословения Виннаг всё семейство тихо уснуло у тёплого очага. Да и какое это имеет значение? Главное, что все они были в безопасности от ветра, дождя и злых волков, а вместо страха и ненависти в доме воцарились мир и согласие.

На следующий день они начали чинить крышу дома Виннаг. Эта нелёгкая работа продолжалась несколько недель. Тем временем Виннаг жила в доме Бел и, сидя у очага, щипала шерсть, и пряла из неё длинные нити.

10

ЯРЧЕ СВЕТА ЗВЁЗД

В долине гуляли зимние ветры, срывавшие с замёрзших деревьев последние листья. Дни стояли морозные и ясные. Вместе с семьёй Бел помогал чинить крышу и Колл. От него они узнали, что в Хай-Форте скоро будет большой праздник.

– Этот праздник называется Рождество, – пояснил он, – день рождения Иисуса Христа, и Колумба приглашает всех вас в Хай-Форт, чтобы вместе отметить это великое и радостное событие.

Все очень обрадовались приглашению и стали думать, как получше подготовиться к празднику, но до этого предстояло ещё завершить весьма нелёгкую работу в доме Виннаг.

Бел рассказала Коллу, как в тот памятный вечер она заглянула в полуразрушенную хижину и сквозь разрывы туч увидела прямо над головой одинокую звезду.

– А ведь Иисус тоже родился в старом хлеву, где сквозь прорехи в крыше глядели звёзды, – сказал Колл. – Колумба вам об этом расскажет на празднике. Но, дай Бог, чтобы никому не приходилось спать под крышей, сквозь которую видны звёзды или капает дождь, хотя Колумба и его монахи нередко проводят всю ночь под открытым небом...

Поэтому они без усталости продолжали чинить крышу, аккуратно укладывая на стропила сухой вереск и большие куски дёрна, а Виннаг тем време-

нем всё так же сидела у тёплого очага в доме Бел и пряла.

А когда дом был готов, это событие решено было отпраздновать.

По старым обычаям в подобном случае полагалось совершить жертвоприношение. Особенно хорошей жертвой считался петух. Но Виннаг не захотела проливать ничью кровь на пороге своего нового дома.

– Благослови этот дом, Колл, – сказала она.

Бел такое начало очень понравилось, но Колл ответил:

– Бел и её родные работали намного больше меня. Я думаю, все мы должны благословить жилище Виннаг.

И они спели гимн, который Бел впервые услышала во время крещения Колла.

Есть три Защитника,
Они всегда с тобой –
Отец и Сын и Дух Святой.
И на заре, и в час ночной
Молюсь: «Господь, пребудь со мной!»

Бел приготовила Виннаг подарок – маленький крестик из веток рябины, который Колл прислал ей в храм Вина.

– Для меня он очень многое значит, – сказала девочка Коллу. – Но я хочу, чтобы он был у Виннаг. А почему, как-нибудь расскажу тебе, когда мы будем одни.

Виннаг очень обрадовалась подарку Бел, аккуратно прикрепила крестик над входом в дом. А потом

они устроили пир горой. Ели мягкий белый хлеб из муки, подаренной жрецами, с мясом и сотовым мёдом и запивали вкусным отваром из душистых трав.

Короткий зимний день подходил к концу. Бел вышла из дома Виннаг вместе с Коллом. Как-то невзначай они свернули к ручью и вскоре пришли на место, где впервые встретились.

– Значит, Виннаг и твои папа с мамой теперь друзья? – первым прервал молчание Колл.

– Да, наконец-то они помирились. Но ведь было и страшное время, когда никто друг друга не понимал и все говорили друг другу обидные вещи. Всё это было просто ужасно, Колл. Но потом отец попросил прощения. А до этого мама сказала такое, что я просто не знала, куда деться, поэтому я и решила подарить Виннаг крестик. Знаешь, что она сказала о Виннаг?.. «Этим людям доверять нельзя». «Этим людям...» В этих словах столько презрения! Понимаешь, что я имею в виду?

Колл кивнул:

– Рабам всё время приходится слышать такие вещи.

– Наверное, так, – задумчиво сказала Бел, а потом опять быстро и сбивчиво стала пересказывать, что произошло в тот вечер: – Мама ей сказала: «Они продадут тебя за тридцать сребреников. Да что там тридцать сребреников – за тридцать простых стеклянных бусин продадут!»

Колл посмотрел на неё с удивлением.

– А разве она не знает, что случилось с нашим Господом? Он был продан за тридцать серебряных монет. Колумба говорит, что в те времена такова была цена одного раба.

– Раба? Но при чём тут Иисус? Ведь Он же Царь царей...

– Я знаю. Вначале мне самому не верилось.

Они замолчали и стали смотреть на ручей, который журчал по камням, вливаясь в длинную извилистую реку, которая в конце концов впадала в огромное море.

– Я буду скучать по тебе, когда ты уедешь на остров, – сказала Бел.

– Я тоже, – ответил Колл. – Но я буду молиться за тебя, Бел. Колумба и другие монахи проводят в молитве долгие часы. Бывает, я тоже молюсь вместе с ними, но, знаешь, иногда бывает и такое время, когда я спрашиваю себя, для чего это всё нужно.

– Такой же вопрос я задавала себе, когда молилась камням, но с тех пор я об этом не думала, – сказала Бел. – Расскажи мне ещё про молитву, Колл!

– Знаешь, мне кажется, молитва чем-то похожа на этот ручей. Иногда она течёт легко и свободно, как бы сама по себе. Бывают времена, когда она спокойна и глубока, как полноводная река, а бывает, почти совсем высыхает.

– Но когда ручей пересыхает, начинаются засуха и болезни, – вспомнила Бел.

– Вот именно. А когда ручей течёт, в долине тоже всё идёт хорошо. Так и должно быть. В конце концов вода ручья вливается в море...

– Огромное, холодное, солёное и опасное, но очень-очень красивое, – подхватила Бел, припомнив свои разговоры с Виннаг.

Потом они опять замолчали, и в наступившей тишине слышен был лишь весёлый шум ручья.

– Пора идти, – наконец сказал Колл. – Уже почти стемнело. Увидимся в Хай-Форте, Бел, и вместе отпразднуем Рождество.

Когда подошло время праздновать день рождения Иисуса Христа, все жители долины отправились в Хай-Форт, только Виннаг решила остаться в своей хижине.

– Мне здесь очень тепло и хорошо. Спасибо вам всем, – сказала она папе и маме Бел, которые зашли за ней, чтобы взять с собой на праздник. – Я уже слишком стара, чтобы идти так далеко.

– Мы тебе поможем, Виннаг, – сказала Бел, а Элир пропищала: – Там будут подарки давать!

Но Виннаг покачала головой:

– Вы мне и так уже подарили много подарков, а самое главное – вашу дружбу. Отправляйтесь и скажите, чтобы Колл Доброе Сердце помолился за меня.

И они двинулись в путь с факелами по дороге в Хай-Форт, где Колумба с нетерпением ждал всех жителей долины, решившихся оставить тёплые дома, чтобы принять участие в славном празднике. Когда же они наконец пришли в Хай-Форт, Колумба обратился ко всем с такими словами:

– В это время года ночи самые длинные. Хорошо, что вы пришли сюда, чтобы всем вместе вспомнить, как Христос пришёл в этот мир, чтобы рассеять тьму.

С этими словами он повернулся и пошёл к королевскому замку. За ним двинулись монахи в грубых кожаных башмаках и все жители долины, а самым первым, даже впереди Колумбы, шагал Колл с боль-

шим деревянным крестом в руках. Из замка вышел король Коннел и, сняв с головы корону, присоединился к процессии. Король шёл вместе со всеми за Колумбой и бедным мальчиком, недавним рабом.

– В эту святую ночь свет воссиял во тьме, – пел Колумба, и его красивый голос отдавался в больших залах королевского дворца, заполненных светом факелов, толпами празднично одетых людей и сновавших повсюду поваров и слуг.

– В эту святую ночь родился младенец Иисус, – подхватили монахи.

Когда пение смолкло, Колумба обратился к людям, и все подошли поближе, чтобы не пропустить ни единого слова. Лишь беспокойные повара не спускали глаз с дымящихся котлов, в которых готовились разные кушанья для праздничного пира.

– Пусть всегда Господь Иисус Христос, Царство Которого ярче света звёзд, изливает на вас Свою любовь, – начал Колумба. – Теперь послушайте! Я расскажу вам, какие дары мы можем приносить нашему Господу. Короли приносят Христу золото. Золото это – любовь наших сердец, которая приятнее для Него, чем яркие лучи летнего солнца. Принцессы несут ему тонкое белоснежное полотно – плод долгих трудов и усердий. И это полотно, радующее Всевышнего, – наша молитва. Дети приносят Ему жаворонков, пение которых слаще самой прекрасной музыки. Таковы наши хвалы Господу, ласкающие Его слух. Кроме того, нам всегда следует помнить, что мы должны приближаться к Его трону с Его святым именем на устах. Господь Иисус Христос, Спаситель мира, не случайно явился в мир беззащитным младенцем, родившимся в скромном

загоне для скота. Он искал не богатства и почестей, а любви и добра. Он пришёл к нам во тьме ночи и принёс с собой свет миру. Иисус Христос сказал, что всякий, верующий в Него, принимающий Его в своё сердце, становится чадом Божиим и получает в дар вечную жизнь. Он пришёл в этот мир, чтобы умереть вместо нас, взять на Себя нашу вину, простить нам грехи наши и очистить от всякой неправды.

Потом начался праздник с музыкой, благословениями и пением.

Через некоторое время Бел ускользнула из ярко освещённого зала и праздничного шума на улицу и какое-то время стояла одна, глядя на звёздное небо. Лёгкий морозец охлаждал ей щёки. Девочка потеплее укуталась в свою шерстяную накидку и, подняв лицо к небу, как зачарованная, смотрела на звёзды.

«Царство, которое ярче света звёзд, пришло в нашу долину», – подумала она.

Послышались шаги. Из соседней двери вышел Колумба и остановился неподалеку от священного камня, у которого торжественно короновались короли Дальриады.

В первый момент Бел хотела незаметно уйти, но Колумба, как всегда, почувствовал, что рядом кто-то есть. Он повернулся к девочке и улыбнулся:

– А, это ты, Бел Чистая Душа, непоседливая, как весёлый ручей. Хочешь, я расскажу тебе историю?

– Конечно, – ответила Бел.

Заметив, что девочка уже дрожит от холода, Колумба накинул ей на плечи свой плащ из грубой некрашеной шерсти.

– Жил-был Принц в богатом и красивом дворце, принадлежавшем Его могущественному Отцу, –

начал Колумба, – но, чтобы помочь самым бедным подданным Отца, Он оставил роскошный дворец, где все Его любили и уважали, и поселился у бедной женщины в далёкой горной долине. Несколько лет Юноша служил ей и помогал по дому, а когда стал совсем взрослым, то отправился бродить по пыльным дорогам королевства Своего Отца. От солнца и ветра кожа Его потемнела и огрубела, словно оленья шкура. Он был очень добрый и всем помогал, но злым и жестоким людям это не понравилось, и они, поймав Его в ловушку, как ловят охотники быстрого оленя, начали мучить. Его жестоко били, оскорбляли, надели на голову терновый венец с острыми колючками, причинявшими нестерпимую боль, а потом убили. Но Принц воскрес из мёртвых, вернулся в небесные чертоги Отца, чтобы молиться за всех людей.

Так вот, Бел, когда ты стоишь у ручья, подзывая убегающих оленей, знай, что туда же, к ручью, за прозрачной и чистой водой приходит Тот, кто отдал Себя в жертву, чтобы избавить нас от смерти и печали. Иди за Ним без страха и сомнения, и Он приведёт тебя в прекрасный светлый мир, где звучит небесная музыка и все наши истории имеют счастливый конец.

Бел слушала Колумбу, и перед её глазами возникла чудесная картина... Прыгая по камням, бежит её любимый ручей. К нему подходит большой белый олень с огромными золотыми рогами и, наклонив голову, пьёт прозрачную сладкую воду. Напившись, он гордо выпрямляется во весь рост. Меж блестящих рогов сверкает крест, а глаза оленя весело смеются. Сердце Бел замерло от счастья.

– Я не могу этого вынести, – прошептала девочка, – это слишком прекрасно... Но, смотри, он уходит! Ты слышишь, – закричала она, – он исчез!

Девочка бросилась к Колумбу и зарылась лицом в складки его грубой одежды, а потом тихо спросила:

– Ты его видел?

– Нет, Бел, это видение было лишь для тебя одной, потому что в сердце твоём ярко горит огонь любви, который ведёт тебя через все опасности и испытания. Знай же, дитя моё, что Христос и Его любовь никогда не оставят тебя, – пообещал Колумба и повёл девочку обратно в ярко освещённый зал, где королевские поэты и барды уже готовились начать своё выступление. Бел села рядом с папой и мамой. Вскоре к ним присоединился Колл.

– Я сделал тебе другой крестик, Бел, из берёзы, в знак твоей чистоты и твоего благородства, – сказал он, протягивая ей деревянный крестик.

А Бел в ответ протянула ему красивый мешочек, который она связала специально для Колла.

– Это для твоих перьев и пергаментов, – смущённо объяснила она, – хотя я до сих пор думаю, что не стоит ловить слова на бумагу с помощью пера и чернил.

В зале люди обменивались подарками. Затем гости стали передавать друг другу вкусный тёплый хлеб, и каждый отламывал себе по кусочку. Когда же праздник закончился, соседи по долине одной дружной семьёй отправились домой под чёрным пологом звёздного неба и по пути хором распевали праздничные песни.

А когда они поравнялись с домом Виннаг, Бел

немного отстала и, освещая себе дорогу факелом, подошла к её новому жилищу, и положила на порог аккуратный свёрток с ячменными лепёшками с королевского стола.

– Утром Виннаг его увидит и обрадуется, а потом я к ней приду и расскажу про наш праздник, – запыхавшись, объяснила она папе и маме, догнав их, когда всё семейство уже подходило к дому. Откинув полог из оленьей шкуры, они вошли в свой тёплый дом. А звёзды на тёмном небе всё так же заливали долину своим мерцающим серебристым светом.

СОДЕРЖАНИЕ

1	«Почему вода в ручье сладкая такая?»	7
2	Мальчик с железным ошейником	17
3	Человек у реки	25
4	Рассказ Виннаг	40
5	Избранная... на смерть	51
6	Не хочу быть Принцессой Хлебное Зёрнышко!	62
7	Моё спасение – Христос	75
8	«Я сделаю воду сладкой и чистой»	89
9	«Песня жаворонка и добрая сказка»	102
10	Ярче света звёзд	115

